Епископъ Хрисанѳъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ

КОРЕЙСКАГО МИССІОНЕРА.

Издано въ пользу Россійской Православной Духовной Миссіи въ Кореѣ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета
1904.

Отъ Казанскаго комитета духовной цензуры при Казанской духовной Академіи печатать дозволяется. 15-го сентября 1904 года. Членъ Комитета, Проф. П. Юнгеровъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая брошюра составлена изъ тѣхъ «писемъ корейскаго миссіонера», которыя писались по требованію сердца, подъ живымъ впечатлѣніемъ съ искреннимъ желаніемъ подѣлиться своими мыслями и чувствами. Таковъ именно характеръ этихъ писемъ, что они написаны отъ сердца къ сердцу.

Не смотря на свой сравнительно малый объемъ, «письма миссіонера» весьма разносторонни и содержательны: читая эти письма, то путешествуешь вмѣстѣ съ авторомъ по корейскимъ горамъ, долинамъ и весямъ, знакомясь попутно съ разнохарактерной природой страны, съ бытомъ корейцевъ и отшельниковъ-монаховъ, то проникаешь въ миссіонерскіе станы Южно-Уссурійскаго края, то переживаешь историческіе моменты, предшествующіе и послѣдующіе Чемульпосской битвѣ. Вмѣстѣ съ авторомъ переѣзжаешь на китайскую территорію въ Шанхай, въ Пекинъ, въ Манчжурію и знакомишься съ постановкою дѣла въ китайской духовной миссіи. Авторъ постоянно дѣлится съ читателемъ всѣмъ пережитымъ, своими тревоженіями, надеждами и радо-

стями, высказывая вместе съ тѣмъ весьма цѣнныя замѣчанія и суждения относительно благовѣстническаго дѣла.

Настоящія письма издаются съ неполюбимою вѣрою въ то, что православная миссія въ Корею должна и будетъ существовать, доколѣ не выполнитъ своей задачи не взирая ни на какіе политическіе перевороты въ Корею, ибо миссія эта есть истинное чадо православной церкви, которая можетъ временами терпѣть всякія испытанія, но не можетъ быть ни кѣмъ побѣждена.

Дѣло начато, сѣмя посѣяно, крестъ водруженъ. Отступать до поры—до времени еще можно, еще угодно Господу, но нельзя намъ нисколько озираться вспять....

Считаемъ своимъ непремѣннымъ долгомъ благодарить Преосвященнѣйшаго автора за изданіе его писемъ въ пользу корейской духовной миссіи, каковыя письма, надѣемся, возбудятъ желательный интересъ и сочувствіе въ читателяхъ къ дѣятельности корейскихъ миссіонеровъ.

Помоги, Господи!

Начальникъ Россійской Духовной Миссіи
въ Корею, Архимандритъ Павелъ.

Православная миссія въ Кореѣ.

(Изъ письма начальника миссіи архимандрита Хрисанѳа)

I.

Путешествіе свое по Кореѣ на-дняхъ я окончилъ и теперь снова поспживаю въ своей хатѣ. Немного болѣе двухъ мѣсяцевъ пришлось провести въ дорогѣ и пройти разстояніе около 1.300 верстъ. Цѣль моего путешествія была, главнымъ образомъ, познакомиться съ деревенскимъ народомъ и познакомить народъ съ „русскою“ вѣрою.

Изъ Сеула я спустился на югъ въ такъ называемыя „Алмазныя горы“, которыя есть не что иное, какъ „корейскій Аѳонъ“, въ которомъ находится до 40 мужскихъ и женскихъ монастырей (буддійскихъ). Въ немъ я прожилъ восемь дней и пользовался весьма любезнымъ гостепріимствомъ корейскихъ монаховъ (монахи, кажется, всѣхъ націй—народъ очень хорошій). Отсюда мы начали держать курсъ на сѣверъ и, выйдя на берегъ Японскаго моря, шли по густо населенной береговой полосѣ вплоть до границы Россіи въ Уссурійскомъ краѣ.

Путешествіе въ общемъ понравилось и принесло немало пользы какъ мнѣ, такъ и корейцамъ, съ которыми мнѣ пришлось сталкиваться. Вамъ нечего описывать его, ибо вы сами много странствовали по Японіи, а разницы немного. Въ путешествіе я бралъ съ собою двухъ корейцевъ—учителя нашей школы и еще одного, который былъ просто въ качествѣ ком-

паніона-спутника, такъ какъ онъ ѣхалъ на сѣверъ Кореи къ своей матери. Наняли мы трехъ лошадей, двухъ для вьюковъ и одну для меня. Корейцы, какъ полегче меня, могли сидѣть на вьюкахъ, а для меня потребовалась отдѣльная лошадь. Для трехъ лошадей было у насъ два проводника, которые и вели лошадей. Ѣзда здѣсь шагомъ, и лашади такъ пріучены, что вы никакими силами не заставите ее бѣжать рысью. Лошадки маленькія, но ужасно злыя: такъ и норовитъ схватить зубами за ногу или лягнуть, такъ что нужно всегда держать ухо остро и поводъ не пускать изъ рукъ. У меня была очень красивая бѣлая лошадка (корейскіе женихи обыкновенно ѣздятъ на бѣлыхъ лошадяхъ) и при въѣздѣ въ каждую деревню вызывала восторги и одобренія корейцевъ. При остановкахъ въ деревняхъ или въ городахъ къ нашей фанзѣ тотчасъ же сходился весь народъ отъ мала до велика и начинался самый тщательный осмотръ; корейцы какъ дѣти, ихъ рѣшительно все интересуетъ, начиная отъ одежды и кончая тѣмъ, какъ мы ходимъ и спимъ; такъ что все время остановокъ толпа неотходно стояла подлѣ насъ и все приходилось дѣлать подъ внимательными взорами сотенъ глазъ. Когда проходили первые приступы любопытства и мы (собственно—я)были достаточно осмотрѣны, всѣ садились на-корточки, закуривали трубки съ длиннѣйшими мундштуками и начинали строить догадки: кто бы такой я былъ, къ какой націи принадлежу и пр. Но тутъ никакія догадки не приводили ихъ къ желаннымъ разультатамъ до тѣхъ поръ, пока я самъ не говорилъ имъ, кто я такой. Всѣ ихъ предположенія оканчивались на томъ, что я, безъ сомнѣнія, европеецъ и лицо духовное, дальше этого они не шли. Когда я имъ объявлялъ, что я русскій священникъ, тогда они снова начинали осмотръ лично меня, желая какъ бы поглубже запечатлѣть въ своей памяти внѣшніе признаки русскаго священника. Ужъ больно смущали ихъ мои волосы; по поводу волосъ моихъ у нихъ просто диспуты происходили: одни говорятъ, что я неженатый и по-

тому ношу такіе длинные волосы, другіе—напротивъ; споры продолжались до тѣхъ поръ, пока я самъ не сообщалъ имъ объ обычаѣ православныхъ священниковъ носить длинные волосы. Одежда моя всѣмъ корейцамъ нравилась и вызывала всегда одобреніе: корейцы носятъ тоже длинные халаты, въ родѣ нашихъ рясъ, и короткіе костюмы европейцевъ имъ не нравятся. Сапоги также служатъ предметомъ удивленія и тщательнаго осмотра. Въ одномъ корейскомъ монастырѣ мнѣ пришлось пролежать нѣсколько дней отъ ревматизма; въ отсутствіе моихъ спутниковъ на меня, лежащаго недвижимо и не имѣющаго силъ сопротивляться, нападала цѣлая толпа монаховъ и подвергала меня самому тщательному осмотру, переворачивая меня съ боку на бокъ и пр. Господи, что только они со мною не продѣлывали: это просто дѣти и притомъ самыя наивныя.

Послѣ всѣхъ предварительныхъ исторій, мы обращались къ нимъ съ проповѣдью православной вѣры и излагали имъ содержаніе „русской вѣры“; читали Евангеліе на корейскомъ языкѣ и давали имъ списывать православныя молитвы и символъ вѣры, приглашая ихъ при случаѣ побывать у насъ въ Сеулѣ, посмотрѣть церковь и православную службу. Тамъ, гдѣ мы встрѣчали вниманіе и готовность къ слушанію слова Божія, мы оставались на болѣе продолжательное время, а гдѣ отказъ и нежеланіе слушать, мы уходили дальше. Нежеланіе слушать проповѣдь почти вездѣ мотивируютъ тѣмъ, что, „пока-де у насъ нѣтъ христіанъ, мы живемъ между собою въ мирѣ и спокойствіи, а вотъ, мы слышимъ что въ такой-то провинціи много христіанъ и они дерутся и между собою и не принявшихъ христіанство обираютъ“. Съ этимъ—къ сожалѣнію—приходится соглашаться, ибо факты налицо. Въ провинціи Хоан-хэ-до весь февраль и мартъ мѣсяцы шли ужасные безпорядки и драки между католиками и американскими христіанами, попутно обирали и язычниковъ. Дѣло началось съ того, что католическій священникъ, желая постро-

ить новую церковь въ своемъ приходѣ, обложилъ денежною повинностію не только своихъ христіанъ, но и язычниковъ и протестантовъ; язычники, опасаясь столкновенія съ европейскими миссіонерами, въ которыхъ виновными всегда будутъ признаны они, заплатили, что нужно, а протестанты, имѣя за себя заступниковъ въ лицѣ своихъ миссіонеровъ, воспротивились исполнить распоряженіе миссіонера. Съ этого начался скандалъ, который быстро распространился по всей почти провинціи и принялъ грандіозные размѣры: начальники городовъ бѣжали, богатыхъ грабили, чиновниковъ били и пр Дѣло дошло до Сеула и, когда всѣ мѣры увѣщанія не привели ни къ какимъ результатамъ, ибо во главѣ стояли миссіонеры, корейское правительство обратилось къ французскому и американскому посланникамъ съ требованіемъ отозвать своихъ миссіонеровъ, а туда послано было войско. Только послѣ этихъ мѣръ нѣсколько успокоились. Въ этой провинціи есть и наши ученики; въ мартѣ мѣсяцѣ я ѣздилъ туда и, къ своему удовольствію, нашелъ, что наши ученики не принимали никакого участія въ этой ужасной свалкѣ. Вотъ каковы отзывы и слухи въ народѣ корейскомъ о христіанскихъ проповѣдникахъ. Что на это скажешь?! Приходилось разъяснять имъ, что это зависитъ не отъ вѣры, которая, конечно свята и истинныхъ послѣдователей своихъ можетъ сдѣлать только святыми, а не злыми.

Вся суть этой печальной дѣйствительности въ томъ, что корейцы принимаютъ вѣру по разнымъ мірскимъ, практическимъ соображеніямъ и не для спасенія своей души, а для обогащенія и спасенія своего тѣла; миссіонеры тоже не менѣе виновны, что, гоняясь за количествомъ своихъ послѣдователей, не заботятся объ ихъ христіанскомъ наученіи. Намъ такихъ христіанъ не нужно, и если бы мы стремились побольше накрестить, то за три года своего существованія въ Кореѣ мы могли бы накрестить десятки тысячъ, ибо желающихъ принять „русскую вѣру“ являлось очень много, но по

тщательнымъ справкамъ и строгому исытанію всегда оказывалось, что всѣ они ищутъ не вѣры и забота у нихъ не о спасеніи души, а о томъ, чтобы пріобрѣсти въ лицѣ миссіонера защитника для своихъ незаконныхъ дѣйствій въ отношеніи своихъ ближнихъ или начальства. Если бы я крестилъ всѣхъ, которые ко мнѣ являются,—какъ это дѣлаютъ мои коллеги инославные,—то теперь бы и наши православные корейцы дрались и скандалили, по примѣру прочихъ. Что бы мы тогда дѣлали? При боязни всякихъ скандаловъ и миролюбіи характера русскаго человѣка, мы, навѣрное, бросили бы своихъ негодныхъ овецъ и изгнали бы ихъ изъ двора православной церкви. Всѣ, приходившіе къ намъ за полученіемъ крещенія съ нечистыми побужденіями, предсказвали намъ, что если мы не будемъ дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ инославные миссіонеры, то у насъ не будетъ ни одного христіанина, и я выражалъ имъ полную готовность лучше не имѣть ни одного христіанина, чѣмъ имѣть много и вести ихъ къ погибели. Такія рацеи я имъ произносилъ и, видимо, для нихъ наши намѣренія и слова казались новыми и непохожими на слова другихъ миссіонеровъ. Въ одномъ мѣстѣ мы встрѣтили открытое враждебное отношеніе къ миссіонерамъ и вообще европейцамъ (видно, насолили имъ), и послѣ увѣщаній мы сочли за лучшее, несмотря на то, что шелъ сильный дождь, уйти отсюда, отряхнувъ грязь отъ ногъ своихъ. Но это былъ единственный и притомъ необъяснимый случай. Въ большинствѣ природное добродушіе и любознательность корейцевъ давали полную возможность сѣять слово Божіе; каковъ плодъ отъ этого получится,—не вѣмъ; во всякомъ случаѣ завѣтъ препод. старца Серафима—сѣять вездѣ: и на хорошей и на плохой почвѣ—ободряетъ насъ надеждою, авось гдѣ-либо и взойдетъ и плодъ принесетъ...

Большой и весьма чувствительный недостатокъ нашего миссіонерствованія въ томъ, что у насъ нѣтъ переводовъ: послѣ устной проповѣди непремѣнно нужно оставлять книги,

ибо, при любви корейцевъ къ книжнымъ занятіямъ и при всеобщей ихъ грамотности, большую пользу могли бы принести книги въ нашемъ дѣлѣ. Теперь мы можемъ похвалиться только изданіемъ „Краткаго молитвослова“ на корейскомъ языкѣ; печатался онъ во Владивостокѣ подъ наблюденіемъ проф. корейскаго языка при Восточномъ институтѣ. Теперь готовлю къ печати (въ Сеулѣ буду печатать) краткое изложеніе вѣры и нравоученія, взятое мною изъ брошюры преосв. Макарія Томскаго: „Простыя рѣчи о великихъ дѣлахъ Божіихъ“,—рѣчь 2-я. Постепенно намѣреваюсь перевести ее всю на корейскій языкъ, во исполненіе благословленія преосвященнаго. Великая нужда въ изданіи „литургіи“ и вообще во введеніи богослуженія на корейскомъ явыкѣ, иначе мы совершенно отучимъ корейцевъ ходить въ церковь. Когда всѣмъ этимъ запасемся, тогда можно безбоязненно исходить на поле миссіонерскаго дѣланія.

II.

Въ сѣверной, прилегающей къ Россіи, провинціи (Хамгён-до), которую я прошелъ всю, начиная съ юга, я замѣтилъ сильное вліяніе Россіи, благодаря частымъ коммерческимъ сношеніямъ корейцевъ съ русскими,—вліяніе при этомъ самое благотворное, ибо о русскихъ здѣсь самаго лестнаго мнѣнія и отзывы самые хорошіе. Во мнѣ всегда узнавали русскаго священника и относились ко мнѣ съ видимымъ почтеніемъ и уваженіемъ. Нѣкоторые изъ корейцевъ владѣютъ русскимъ языкомъ, въ корейскихъ магазинахъ встрѣчается русскій товаръ, носятъ русскіе костюмы, купленные во Владивостокѣ на толкучкѣ старые солдатскіе мундиры, шинели и блестящіе цилиндры какого-либо пропившагося актера. Сочетаніе очень красивое и оригинальное... Безъ сомнѣнія, есть здѣсь не мало и крещеныхъ корейцевъ, но, несмотря на самые тщательные разспросы, намъ не удалось добиться прав-

ды, ибо христіане почему-то скрываются. Я думаю, что если бы удалось мнѣ открыть тамъ одинъ или два миссіонерскихъ прихода, всѣ крещенные явились бы; теперь же одиночество ихъ среди языческой обстановки заставляетъ ихъ скрываться, и послѣдняя заглушаетъ въ ихъ душахъ самые первые, молодые побѣги христіанскаго сѣмени... Многіе корейцы и корейки носятъ христіанскія имена, но не сознаются, что они крещены, а говорятъ, что ихъ называли этими именами хозяева, у которыхъ они служили, и этому можно повѣрить. Встрѣчалъ я здѣсь нѣсколько вполнѣ оцивилизовавшихся на русской почвѣ молодцовъ, занимающихся среди своихъ соотечественниковъ примѣненіемъ на практикѣ воровской науки, которую изучили они у профессоровъ „сахалинцевъ“; но этотъ элементъ не нравится и страшитъ корейцевъ. Въ одной деревнѣ останавливаетъ насъ одинъ изъ такихъ и рекомендуется по-русски, что онъ „не безъизвѣстный во Владивостокѣ человѣкъ“ и очень сожалѣетъ, что не можетъ сопровождать насъ до Владивостока, куда онъ поѣдетъ тоже, какъ только окончитъ здѣсь свои дѣла; онъ и остался въ надеждѣ встрѣтиться и ближе познакомиться съ нами во Владивостокѣ, ибо „я очень люблю русскихъ священниковъ“. Другой такой же или подобный ему артистъ усиленно воспѣвалъ доброту русскихъ священниковъ, съ которыми приходилось ему встрѣчаться въ Уссурійскомъ краѣ, и спустя нѣкоторое время послѣ дифирамба попросилъ у меня взаймы денегъ, я, конечно, поспѣшилъ ему дать, чтобы не разочаровывать его въ добротѣ русскихъ священниковъ. Эти господа не нравятся корейцамъ, и много имъ при ихъ простотѣ приходится терпѣть непріятностей отъ нихъ.

Характеръ народа сѣверной провинціи значительно разнится отъ характера корейцевъ центральныхъ провинцій: тогда какъ послѣдніе производятъ впечатлѣніе—да и на самомъ дѣлѣ они таковы—забитыхъ и робкихъ существъ, первые, напротивъ, держатъ себя съ достоинствомъ и даже съ нѣкото-

рою гордостью. Среди корейцевъ центральныхъ губерній я никогда не встрѣчалъ и не слыхалъ никакихъ прдтиворѣчій, и все, что говоритъ европеецъ, они принимаютъ на вѣру безъ всякихъ разсужденій; корейцы Хам-гѣн-до, напротивъ, всегда, о чемъ бы вы съ ними ни заговорили, сначала обдумаютъ, переспросятъ нѣсколько разъ и непремѣнно выскажутъ свое мнѣніе, а то и вступятъ въ споръ. У послѣднихъ замѣтна сильная склонность къ критическому способу мышленія; у первыхъ—легковѣріе и тупость. Сѣверные корейцы характера остраго, грубоватаго и безпокойнаго; а наши мягкаго, спокойнаго и до приторности льстиваго. Съ миссіонерской точки зрѣнія, почва для распространенія христіанства среди сѣверныхъ корейцевъ гораздо лучше и плодотворнѣе, чѣмъ среди корейцевъ центральныхъ. Корейцы сѣверные могутъ гораздо основательнѣе и сознательнѣе усвоить христіанство и быть хорошими христіанами, а наши корейцы готовы мѣнять вѣру, какъ перчатки; въ качественномъ отношеніи успѣхъ миссіонерскій долженъ быть на сторонѣ первыхъ, а въ количественномъ—на сторонѣ вторыхъ.

Въ сѣверной провинціи я встрѣтилъ двухъ миссіонеровъ американской пресвитеріанской миссіи; одинъ изъ нихъ живетъ болѣе пяти лѣтъ въ губернскомъ городѣ Хамъ-хынѣ, имѣетъ у себя около 100 человѣкъ послѣдователей, а другой въ портѣ Сіончжинѣ и пріѣхалъ вмѣстѣ съ перекочевавшими сюда изъ Фузана корейцами-христіанами. Кромѣ этихъ двухъ миссіонеровъ больше нигдѣ нѣтъ и не было. При хамхынскомъ миссіонерѣ есть фельдшерица, небольшая больница и аптека, и отъ многихъ корейцевъ далеко за предѣками Хамъхына мы слышали самые лестные отзывы о врачебной дѣятельности этихъ миссіонеровъ. Въ рѣдкомъ городѣ или деревнѣ не обращались и къ намъ корейцы за врачебной помощью какъ только появились мы, тотчасъ же приходили и приносили къ намъ больныхъ, прося лѣкарствъ; но, къ великому своему прискорбію, кромѣ хины и касторки, въ нашей аптекѣ

ничего не было. Больныхъ очень много и особенно дѣтей; просьбы помочь самыя неотвязчивыя, а потому я рѣшилъ хоть чѣмъ-нибудь утѣшать ихъ и началъ давать имъ имѣвшійся у себя сахарный песокъ, разводилъ его въ кипяченой водѣ и давалъ пить дѣтямъ, и они съ жадностью выпивали, а родители съ благодарнымъ чувствомъ приносили намъ подарки: то куръ, то яицъ и пр., которыхъ, конечно, мы не брали, а если брали то платили деньги. Не умѣю вамъ описать всего; скажу одно, что картины были умилительныя и потрясающія. Остановились мы на одномъ постояломъ дворѣ на ночлегъ; открываю дверь въ комнату, на полу лежитъ полувысохшій скелетъ человѣка, покашливаетъ удушливымъ тяжелымъ кашлемъ, поворачиваетъ съ трудомъ голову, видитъ меня европейца, и лицо его сразу измѣнилось, и блеснула у него надежда... Онъ когда-то слышалъ, что европейцы умѣютъ лѣчить всякія болѣзни, и вотъ онъ хриплымъ голосомъ проситъ у меня лекарства, проситъ у меня исцѣленія. Образъ этого бѣднаго страдальца никогда я незабуду... Что я ему дамъ, чѣмъ я ему помогу?! Послѣ своего разочарованія онъ хуже, казалось мнѣ, сталъ себя чувствовать; видимо, его постигло отчаяніе, и онъ всю ночь бредилъ и кашлялъ такъ сильно, что по временамъ казалось, что онъ къ утру умретъ. По всѣмъ признакамъ чахотка у него была въ полномъ разгарѣ, и онъ лежалъ уже года полтора. Да, современному миссіонеру, не имѣющему дарованія цѣлить болѣзни силою божественною, необходимо умѣть цѣлить земными средствами.

Ужъ больно грязно живутъ корейцы,—о той колоссальной грязи и милліонахъ насѣкомыхъ, которыя наполняютъ ихъ фанзы, вы себѣ и представить не можете. Сколько пришлось претерпѣть за дорогу всякихъ невзгодъ отъ грязи и насѣкомыхъ, теперь страшно вспомнить. Я взялъ съ собой большой запасъ антипаразитнаго порошка, но онъ приготовленъ не для корейскихъ клоповъ, таракановъ и блохъ; клоповъ я ловилъ,

насыпалъ на нихъ порошку, но они совершенно спокойно выкарабкивались и отправлялись въ дальнѣйшій путь; тараканы, почуявъ запахъ порошка, метались съ неимовѣрною быстротою изъ угла въ уголъ, но не дохли; блохи же еще болѣе усиливали свою природную подвижность и скакали во всѣхъ направленіяхъ маленькой корейской комнаты; а мы, наблюдая всю эту картину, чихали ужасно, ибо порошокъ и на насъ производилъ сильное впечатлѣніе, раздражая носовую оболочку. Корейскія комнаты маленькія, обыкновенный размѣръ 8 футовъ во всѣ направленія,—и вотъ въ такой комнатѣ на горячемъ каменномъ полу мы и начевали. Корейскія печи, сдѣланныя подъ поломъ, чтобы его нагрѣвать, самыя негигіеничныя при легкихъ бумажныхъ стѣнахъ ихъ фанзъ: одинъ бокъ нагрѣвается сильно, а другой совершенно стынетъ на холодѣ; стѣны и потолки черны отъ копоти, которая накопляется отъ лучинъ и лампъ безъ стеколъ. Подъ одной крышей съ одной стороны помѣщенія для людей, а съ другой—помѣщеніе для скота, посрединѣ—кухня, необходимая какъ для людей, такъ и для скота: корейскія лошади и быки ѣдятъ только одни бобы и притомъ вареные, солому тоже варятъ и съ водою въ жидкомъ видѣ подаютъ имъ. Тотчасъ по пріѣздѣ на постоялый дворъ мафу (конюхи) заказываютъ кушанья хозяйкѣ и для лошадей и для себя, и въ ожиданіи люди съ одной стороны кухни поглядываютъ, а лошади съ другой, и тѣ и другія по временамъ торопятъ хозяйку. Питались мы все время корейскимъ столѣ, кромѣ, конечно, чая и сахара. Вмѣсто хлѣба—рисъ. Нельзя сказать, чтобы корейскій столъ былъ вкусный: рисъ (прѣсный) составляетъ центральное кушанье; кромѣ него подаются въ маленькихъ чашечкахъ разныя закуски: кимча—корейскій салатъ въ квашеномъ видѣ; морская капуста, рѣдька жареная и рѣдька соленая, еще кое какія травы, затѣмъ, непремѣнно—соя, иногда сушоная (вонючая) рыба или свиное мясо. Вотъ вамъ и весь корейскій столъ, который можно встрѣтить въ каждомъ постояломъ

дворѣ. Если не смотрѣть, кто, какъ и въ чемъ готовитъ, то кушать можно... Я могуп охвалиться—не брезговалъ, а потому кушалъ все во славу Божію.

Мѣстность повсюду гористая и есть очень красивыя мѣста; особенно восхитительные виды открываются съ высокихъ горныхъ переваловъ. Народъ деревенскій повсемѣстно занимается хлѣбопашествомъ: сѣютъ рисъ, ячмень, бобы и разныя овощи; поля обработываютъ весьма тщательно; много они не сѣютъ, но за посѣяннымъ внимательно ухаживаютъ; въ этомъ отношеніи они не уступаютъ японцамъ. Прибрежные жители занимаются рыболовствомъ и вываркою соли и живутъ видимо богаче, чѣмъ земледѣльцы. Въ Гензанѣ мы остановились въ японской гостинницѣ и, признаюсь, послѣ корейской грязи почувствовали себя какъ въ раю, и когда подали намъ безукоризненно чисто приготовленный обѣдъ, то сочли себя счастливцами. Японскій столъ мнѣ не особенно понравился: у нихъ всѣ приправы сладкія и остраго нѣтъ ничего, у корейцевъ же, напротивъ, все очень острое и стручковый перецъ въ большомъ употребленіи.

Былъ я въ Уссурійскомъ краѣ, проѣхалъ нѣсколько корейскихъ миссіонерскихъ становъ; дѣло по видимости, тамъ обстоитъ очень хорошо: вездѣ устроены очень хорошія церкви, прекрасныя школы и помѣщенія для причта. Только, кажется, по внѣшности хорошо... Служилъ я въ Троицынъ день въ одномъ миссіонерскомъ станѣ,—какъ за всенощной, такъ и за обѣдней были одни только ученики школы, взрослыхъ же корейцевъ не было ни одного. Въ Духовъ день служилъ въ другомъ старѣйшемъ станѣ, здѣсь и учениковъ не было никого. Явленіе въ высшей степени печальное, и объяснить его можно только тѣмъ, что взрослые совершенно не понимаютъ русскаго языка, а можетъ быть и христіанскаго ученія. Всѣ миссіонеры почиваютъ своими свѣтлыми надеждами на молодомъ поколѣніи, которое они воспитываютъ въ строго

христіанскомъ духѣ въ образцово поставленныхъ церковно-приходскихъ школахъ. Дай Богъ, чтобы ихъ надежды не оказались тщетны! Относительно взрослыхъ они утѣшаютъ себя тѣмъ, что языческіе обычаи видимо отживаютъ у нихъ свой вѣкъ и шаманскихъ радѣній почти не бываетъ; нехристіанъ-корейцевъ въ Уссурійскомъ краѣ теперь остается очень мало.

Хорошо бы было объединить двѣ миссіи, нашу и Уссурійскую, и начать свою дѣятельность отъ границы Россіи, пользуясь готовымъ матеріаломъ для проповѣди слова Божія—корейцами, которые кончаютъ школы въ Уссурійскомъ краѣ. Состоялась года 2 или 3 тому назадъ Высочайшая воля объ открытіи духовной семинаріи во Владивостокѣ, но почему-то и по сію пору никакихъ слуховъ нѣтъ. Въ этомъ году я отправляю двухъ корейцевъ въ Ардонскую семинарію и надѣюсь, что Господь Богъ поможетъ воспитать изъ нихъ хорошихъ дѣлателей. Будь бы семинарія подъ бокомъ,—иной разговоръ былъ бы. Черезъ годъ изъ моей школы нужно будетъ послать еще двухъ для дальнѣйшаго образованія, но... объ этихъ нужно крѣпко подумать, на какія средства ихъ отправить. Помимо того, что это слишкомъ дорогая затѣя, да и производительна ли она? Не выйдетъ ли изъ этого то же, что у пр. Николая съ академистами? Если бы была семинарія во Владивостокѣ, то они всегда бы жили въ своей средѣ, а во время каникулъ и въ домахъ своихъ родителей, если же оторвать мальчика на 5—6 лѣтъ отъ своего народа, то съ нимъ произойдетъ перемѣна во всемъ, до забвенія своего роднаго языка. Теперь на Востокѣ всѣ вѣдомства стараются какъ можно уютнѣе устроиться и пустить поглубже корни, кромѣ нашего вѣдомства. Во Владивостокѣ нѣтъ ни собора, ни архіерейскаго дома, нѣтъ ни одного духовно-учебнаго заведенія... Ближайшая семинарія въ Благовѣщенскѣ, но послѣдній теперь гораздо далѣе отъ Владивостока, чѣмъ даже Петербургъ. Архіерей владивостокскій живетъ верстахъ въ 30 отъ Владивостока и, конечно, не всегда имѣетъ возможность

ѣздить въ городъ. Но это все не бѣда въ сравненіи съ тѣмъ, что нѣтъ тамъ семинаріи или по крайней мѣрѣ духовнаго училища.

III.

Я назвалъ Кимъ-канъ-санъ, или „Алмазныя горы", „корейскимъ Аѳономъ". Дикія горныя ущелья, недоступность мѣстности, удивительная красота и богатство природы съ давнихъ поръ привлекали сюда буддійскихъ аскетовъ, и съ давнихъ поръ здѣшніе монастыри (числомъ около 40) славились своими подвижниками. Въ періодъ процвѣтанія въ Кореѣ буддизма, который падаетъ на 6—8 вѣка христіанскій эры, Кимъ-канъ-санъ не вмѣщалъ въ себѣ подвижниковъ, и монаховъ насчитывалось здѣсь нѣсколько тысячъ. Были, говорятъ, подвижники, кои забирались на высокія непреступныя скалы, гдѣ и проводили жизнь въ подвигахъ; теперь же, несмотря на то, что въ народѣ все же ходятъ самые лестные отзывы о жизни монаховъ Кимъ-канъ-сана, число и монастырей и монаховъ значительно сократилось: въ 40 монастыряхъ теперь едва можно насчитать около 1000 человѣкъ монаховъ; относительно же чистоты монашеской жизни—на каждомъ шагу можно встрѣчать только отрицательныя стороны. Оно и понятно. Тамъ, гдѣ въ древнія времена процвѣтала наука, искусства, и монахи были главными представителями китайской мудрости, теперь царитъ полное невѣжество, граничащее съ полною неграмотностію монаховъ; гдѣ въ періодъ процвѣтанія буддизма хранились богатѣйшія книжныя сокровища и рѣдкіе экземпляры произведеній китайской литературы и философіи, теперь—жалкіе остатки, и тѣ покрыты толстымъ вѣковымъ слоемъ пыли.—Духовная жизнь теперешнихъ монаховъ довольствуется передающимися изъ устъ въ уста фантастическими разсказами о подвигахъ прежнихъ героевъ монашеской жизни, до того изукрашенными и изуродованными вымысла-

ми, что трудно или совершенно невозможно уловить хоть какую-либо идею или мысль. Легенды изъ временъ древнѣйшихъ, заимствованныя разсказчиками изъ индійской буддійской литературы, еще имѣютъ кой-какое содержаніе и идею, позднѣйшія же изъ временъ упадка науки въ буддійскихъ монастыряхъ—плодъ самой необузданной фантазіи невѣжественныхъ монаховъ. Монахи столичныхъ (расположенныхъ вокругъ Сеула) монастырей, при всей своей нравственной распущенности, все же болѣе образованы и начитаны, чѣмъ „аѳонцы“, и съ первыми гораздо интереснѣе вести бесѣды по религіознымъ вопросамъ, чѣмъ съ послѣдними.

Монастырь, въ который мы попали, носитъ названіе Чон-ян-са. Настоятель этого монастыря считается главнымъ начальникомъ всѣхъ монастырей Кимъ-канъ-сана. Начальствованіе его состоитъ въ томъ, что черезъ него ведутъ сношенія съ правительствомъ настоятели остальныхъ монастырей, ему представляютъ для отсылки въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое вѣдаетъ корейскими монастырями, списки всѣхъ монаховъ, отчеты по хозяйственной части и др. Настоятели въ монастыри назначаются срокóмъ на одинъ годъ изъ числа братіи того же монастыря или изъ другого. И здѣсь, конечно, какъ и во всѣхъ вѣдомствахъ корейскаго государства, дѣло не обходится безъ мзды и подкуповъ. Въ одномъ монастырѣ я встрѣтилъ довольно почтеннаго старца лѣтъ 90, который управлялъ монастыремъ двѣнадцать лѣтъ подрядъ; случай весьма рѣдкій, если не исключительный, и свидѣтельствуетъ только о томъ, что онъ имѣлъ свои деньги для подкупа чиновниковъ.

Монастырь Чон-ян-са (по переводу съ китайскаго—„Свѣтозарный“) красиво расположенъ при входѣ въ живописное и дикое ущелье, образуемое высокими кряжами цѣлой системы Алмазныхъ горъ, покрытыхъ вѣковымъ сосновымъ и кедровымъ лѣсомъ. Гранитныя верхушки высокихъ горъ самыхъ

причудливыхъ очертаній и формъ мѣстами покрыты вѣчными снѣгами, дающими въ знойное лѣто живительную и здоровую прохладку. Внизу ущелья вѣчно шумитъ горная, со множествомъ красивыхъ водопадовъ, рѣка, которая во время дождей и таянія снѣговъ обращается въ ужасно грозную стихію, съ неимовѣрною силою несущую громадные камни и все, что попадается на пути. Съ горныхъ источниковъ по бамбукозымъ трубамъ и деревяннымъ желобамъ по всему монастырю проведена чудная ключевая вода. Климатъ Кимъ-канъ-сана, по мнѣнію корейцевъ, самый здоровый во всей Кореѣ. Сюда выѣзжаютъ знатные мандарины и богатые дворяне на лѣтнее дачное пребываніе, особенно, если въ Сеулѣ свирѣпствуетъ какая-либо эпидемія.

Кимъ-канъ-санъ отъ Сеула находится въ 200 верстахъ. Горное ущелье, въ которомъ расположены монастыри Кимъ-канъ-сана, начинается верстъ за 15 до перваго монастыря, и дорога все все время идетъ чуднымъ сосновымъ и кедровымъ лѣсомъ, по берегу горной рѣки, переходя то на ту, то на другую сторону ея. Среди этого великолѣпнаго парка то тамъ, то здѣсь устроены китайской архитектуры небольшія буддійскія кумирни и павильоны, стѣны и столбы коихъ сплошь исписаны именами и фамиліями посѣтителей Кимъ-канъ-сана. Монастырь Чонъ-ян-са основанъ въ концѣ IV вѣка; былъ нѣсколько разъ возобновляемъ, и теперешній главный храмъ, построенный болѣе 500 лѣтъ тому назадъ, служитъ замѣчательнымъ памятникомъ китайско-буддійской архитекруры. Этотъ монастырь пользуется нѣкоторымъ покровительствомъ нынѣ царствующаго императора: въ прошломъ году онъ пожертвовалъ 1200 дол. корейскою монетою, на которые они воздвигаютъ громадный павильонъ предъ входомъ въ главный храмъ и новое зданіе для помѣщенія братіи. Таковая царская милость была оказана этому монастырю по просьбѣ мандариновъ, которые всегда находятъ здѣсь самое широкое госте-

пріимство. Братія монастыря оказала и намъ довольно радушную встрѣчу и устроила насъ съ бо́льшимъ комфортомъ въ сравненіи съ тою грязью и неудобствами, кои испытывали мы на постоялыхъ дворахъ. Намъ отвели довольно чистое и просторное помѣщеніе въ одномъ изъ храмовъ, отдѣливъ ширмами часть большой залы. Послѣ ужасной корейской грязи и миріадъ всевозможныхъ насѣкомыхъ, здѣсь мы почувствовали себя точно въ раю, а когда подали намъ чисто приготовленный корейскій обѣдъ, то мы сочли себя счастливыми людьми.

Жизнь монаховъ въ монастырѣ проходитъ въ исполненіи различнаго рода послушаній: службы при храмахъ и по хозяйству. Службы при храмахъ совершаюсся ежедневно три раза—въ 4 часа утра, въ 11 часовъ дня и въ 4 часа вечера —очереднымъ монахомъ (чреда правится въ теченіе двухъ мѣсяцевъ). Начало службы предваряется довольно продолжительнымъ звономъ—сначала въ деревянное било, затѣмъ въ большой мѣдный колоколъ, въ который бьютъ деревяннымъ бревномъ по наружной сторонѣ; затѣмъ въ мѣдныя тарелки и, наконецъ, довольно пронзительный звонъ въ маленькій мѣдный колокольчикъ. Въ монастырѣ нѣсколько кумирень, звонарь (изъ младшихъ послушниковъ) ходитъ по всѣмъ храмамъ съ ужасно пронзительнымъ звономъ, и только привыкшіе къ этимъ звукамъ монахи могутъ совершенно спокойно спать; намъ же всегда приходилось бодрствовать не только во время звона, но и во время службы, ибо чтеніе монахомъ нараспѣвъ богослужебныхъ книгъ и земные поклоны, отмѣчаемые всякій разъ звономъ колокольчика, заставляли насъ бодрствовать. Монахи и народъ въ службахъ не участвуютъ; когда я спросилъ у настоятеля, къ кому относится звонъ, онъ отвѣтилъ, что звономъ будятъ боговъ. Конечно, все это вздоръ, но теперь онъ пріобрѣлъ права гражданства и достаточно успокаиваетъ совѣсть монаховъ. Послѣ звона монахъ разноситъ по всѣмъ кумирнямъ и всѣмъ идоламъ по чашкѣ варе-

наго риса; затѣмъ въ главномъ храмѣ начинается чтеніе книгъ, которое заканчивается въ другомъ какомъ-либо храмѣ съ присоединеніемъ поминовенія царствующаго дома и благотворителей монастыря. Весь рисъ по окончаніи службы (служба продолжается не болѣе часа) поступаетъ въ пользу чередного монаха, часть риса онъ удѣляетъ звонарю и другимъ прислужникамъ. Отъ чреды не избавляется и настоятель монастыря, хотя время чреды у нихъ считается выгоднымъ, ибо въ теченіе двухъ мѣсяцевъ монахъ питается наилучшимъ рисомъ.

Отношенія между братіей покаятся на началахъ послушанія: всѣ повинуются настоятелю и младшій старшему. При встрѣчахъ со старшимъ младшій первый дѣлаетъ низкій до земли поклонъ, сложивъ ладони рукъ вмѣстѣ и приложивъ ихъ ко лбу, такъ же отвѣчаетъ ему и старшій. Каждый вновь принятый въ монастырь по распоряженію настоятеля вручается на воспитаніе духовному отцу, который долженъ заботиться о немъ включительно до пищи и одежды. Если такой послушникъ пробудетъ у старца до его смерти, то онъ дѣлается наслѣдникомъ всего его имѣнія, хотя бы у него были родственники плотскіе. По корейскимъ законамъ, или правильнѣе—потому, что монахи закономъ не выдѣляются въ отдѣльное сословіе, они имѣютъ право пріобрѣтать какъ движимое, такъ и недвижимое имущество и распоряжаться имъ по своему благоусмотрѣнію. Многіе монахи, сдавъ свое имѣніе въ аренду, которая обезпечиваетъ ихъ существованіе, живутъ въ монастырѣ какъ бы на покоѣ. Выходъ изъ монастыря совершенно свободенъ, для перехода же изъ монастыря въ монастырь требуется рекомендація прежняго настоятеля и назначается извѣстный срокъ для испытанія, выдержавшій которое принимается въ число братіи. Для братіи монастырь даетъ только помѣщеніе, пищу же и одежду каждый монахъ долженъ имѣть свою. Въ извѣстное время дня завѣдующій кух-

нею оповѣщаетъ звукомъ трубы или колокола всю братію о наступленіи времени готовить пищу, и всѣ монахи приносятъ рисъ на кухню, гдѣ его варятъ весь въ одномъ котлѣ и по порціямъ раздаютъ монахамъ, которые для трапезованія сходятся всѣ въ одну залу, здѣсь же ѣдятъ и всѣ богомольцы и рабочіе монастыря. Посѣтителей, если они бѣдные, кормятъ безплатно, а состоятельные получаютъ пищу за извѣстную плату. Корейскіе монахи строгіе вегетаріанцы: ни мяса, ни рыбы они не ѣдятъ. Кромѣ риса, который въ корейскомъ столѣ занимаетъ центральное мѣсто, въ большомъ количествѣ и разнообразіи приготовленія употребляются—салатъ, капуста, разныя травы, морская капуста и морскія травы. По мнѣнію корейцевъ, всякая трава, растущая въ маѣ мѣсяцѣ, весьма питательна и полезна, а потому весною корейцы запасаютъ на весь годъ массу всевозможныхъ травъ и корней, приготовляя ихъ то въ соленомъ, то въ квашеномъ, то въ сухомъ видѣ. Каждому человѣку подается отдѣльный небольшой столикъ (у корейцевъ мебе́ли нѣтъ, сидятъ они на полу, а потому столики эти невысокіе), на которомъ центральное мѣсто занимаетъ чашка съ рисомъ (рисъ варится совершенно прѣснымъ), затѣмъ пять или шесть маленькихъ чашечекъ съ разными закусками, всѣ съ острыми приправами, и обязательно соя, приготовляемая изъ корейскихъ бобовъ. Одинъ столъ, смотря по количеству блюдъ, цѣнится отъ 10 цент. до пяти и шести долларовъ (дворянскіе обѣды). Рисъ монахи добываютъ путемъ сбора по деревнямъ, если нѣтъ своихъ полей.

Народъ къ монахамъ относится почти враждебно: монахи—самые послѣдніе люди, такъ что въ разговорѣ съ монахомъ употребляется самая низкая форма выраженія и по отзывамъ самихъ монаховъ $^{9}/_{10}$ народа гонитъ ихъ. Правительство также не жалуетъ монаховъ и стѣсняетъ ихъ при всякомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ. Такое отношеніе къ буддійскимъ монахамъ установилось при вступленіи на пре-

столъ нынѣ царствующей династіи—съ 15 вѣка, когда родоначальникъ династіи, поддерживаемый силою китайскаго оружія, началъ вводить въ Кореѣ конфуціанство. Произошла борьба партій, и бонзы, сильные при дворѣ прежнихъ правителей, неохотно уступали мѣсто своимъ соперникамъ, мудрецамъ Конфуція. Бонзы составили противъ короля заговоръ, который во время былъ раскрытъ и послужилъ началомъ гоненія на буддійскихъ монаховъ: многихъ казнили, а для оставшихся изданъ былъ строгій указъ—подъ страхомъ смертной казни не отлучаться изъ монастырей и не являтлся въ городахъ. Этотъ законъ въ полной силѣ существуетъ и по сію пору для Сеула: монахи могутъ ходить вокругъ сеульской стѣны, но въ Сеулъ ни подъ какимъ видомъ ихъ не пропустятъ.

Съ этого времени и начинается упадокъ буддизма въ Кореѣ, отразившійся и на внутреннемъ и на внѣшнемъ строѣ монастырей. Земли монастырскія и имущества были конфискованы правительствомъ; и теперь монастыри имѣютъ сравнительно незначительное количество земли: отъ 2 до 15 верстъ въ окружности монастыря. Нѣкоторые монастыри имѣютъ рисовыя поля, пожертвованныя богатыми людьми, въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ. Доходы съ этихъ земель идутъ на ремонтъ храмовъ и зданій монастырскихъ, на устройство празднествъ и жертвоприношеній идоламъ и другіе расходы по монастырю. Въ общемъ монастыри весьма обѣднѣли и въ настоящую пору за весьма немногими исключеніями представляютъ печальную картину: храмы приходятъ въ упадокъ, зданія монастырскія рушатся, количество монаховъ съ каждымъ годомъ уменьшается, а наличная братія не на высотѣ своего призванія, и въ этомъ отношеніи монастыри служатъ довольно вѣрными показателями того же явленія и въ жизни всего корейскаго народа.

Далѣе въ глубь ущелья расположены другіе монастыри Кимъ-канъ-сана: Пхо-уонь-са, Чо-ян-са, Ю-джам-са и др.

Вокругъ большихъ монастырей въ уютныхъ мѣстахъ, иногда на неприступныхъ скалахъ, устроено много скитовъ и малыхъ мужскихъ и женскихъ монастырей. Женскихъ монастырей въ Кимъ-канъ-сапѣ немного, и всѣхъ монахинь едва ли наберется съ сотню. Всѣ они небольшіе; въ самомъ большомъ женскомъ монастырѣ монахинь не болѣе 16, а обыкновенно ихъ бываетъ отъ четырехъ до восьми. Корейскія монахини носятъ мужской костюмъ, брѣютъ головы, какъ и монахи, и по внѣшнему виду весьма трудно отличить монахиню отъ монаха, только по голосу можно кое-какъ узнать ихъ полъ. Службы въ женскихъ монастыряхъ отправляются самими монахинями по тому же самому уставу, какъ и въ мужскихъ, употребляются при богослуженіи тѣ же богослужебныя принадлежности, что и въ мужскихъ монастыряхъ, только службы отправляются въ одной изъ комнатъ фанзы, нарочито приспособленной для этой цѣли, отдѣльныхъ же храмовъ въ женскихъ монастыряхъ не устраиваютъ. Всѣ женскіе монастыри основаны монахами ближайшихъ монастырей; по имени послѣднихъ они и называются. Въ каждомъ женскомъ монастырѣ есть настоятельница, подчиняющаяся настоятелю мужского монастыря, имя котораго носитъ. Въ женскихъ монастыряхъ живутъ старухи лѣтъ 60—80-ти. Настоятельница одного женскаго монастыря, старуха лѣтъ 80, подарила мнѣ четки въ 1000 весьма изящно выточенныхъ изъ дерева зеренъ; я отдалъ ихъ въ миссійскій музей. Въ общемъ изъ восьмидневнаго пребыванія своего въ кимъ-канъ-санскихъ монастыряхъ я вынесъ самое пріятное впечатлѣніе и остался весьма благодаренъ за ихъ предупредительно-любезный пріемъ и гостепріимство. Бесѣдовали мы съ монахами и о христіанской религіи; разсказывавали имъ содержаніе своей вѣры, давали читать имъ Евангеліе на корейскомъ языкѣ, молитвы, свящ. исторію; сообщили имъ объ устройствѣ русскихъ монастырей и пр.,—но здѣсь мы встрѣтили поразительное равнодушіе и категорическій отказъ слушать христіанскую проповѣдь. Кончилось тѣмъ, что

лишь только мы заводили рѣчь о христіанствѣ, какъ всѣ монахи уходили отъ насъ.

Незадолго до нашего пріѣзда въ Кимъ-канъ-санѣ была одна американская миссіонерка съ двумя корейками; прожили онѣ здѣсь два дня, пѣли псалмы, читали Евангеліе, проповѣдовали и... уѣхали. Проводы и прощаніе наше съ монахами были самыя сердечныя; насъ провожали далеко за монастырь съ выраженіями самыхъ наилучшихъ пожеланій въ дальнѣйшихъ нашихъ странствіяхъ по Кореѣ.

Изъ письма корейскаго миссіонера архимандрита Хрисанѳа отъ 7 декабря 1903 г.

Пишу изъ деревни Мунь-сань-пхо—верстахъ въ 50 отъ Сеула,—въ которой я вотъ уже мѣсяцъ живу, служу и, какъ умѣю, благовѣствую Христа. Корейцы не оставляютъ меня своимъ посѣщеніемъ и сегодня—воскресенье—было такъ много, что и церковь моя не вмѣщала желающихъ молиться. Потребность помолиться у нихъ, безъ сомнѣнія, есть и съ тѣмъ большимъ желаніемъ, что здѣсь почти половину службы правлю я на корейскомъ языкѣ. Ектеніи и нѣкоторыя пѣснопѣнія у насъ переведены, Евангеліе и Псалтирь тоже есть на корейскомъ языкѣ—переводъ американскихъ миссіонеровъ,—вотъ изъ этого и составляется кой-что по-корейски, что для стоящихъ въ храмѣ составляетъ большой интересъ. Особенно приводитъ меня въ умиленіе то вниманіе и усердіе, съ какимъ они слушаютъ и молятся за своего императора, котораго поминаемъ на ектиніяхъ; сегодня всѣ сдѣлали даже земной поклонъ: ужасно боятся они, чтобы японцы опять не обидѣли ихъ правителя, и особенно теперь, въ столь смутное время на Востокѣ.

Жаль, что я еще настолько малограмотенъ по-корейски, что не могу назидать ихъ живою проповѣдью, дѣлаю же такъ: читаю по ранѣе составленнымъ выборкамъ изъ Евангелія и Апостола на какую-либо тему до тѣхъ поръ, пока извѣстная исторія не усвоится всѣми. Вступать въ полемику по религіознымъ вопросамъ съ корейцами почти не приходится, а потому ихъ, какъ дѣтей, весьма удобно учить вѣрѣ и такимъ способомъ.

Скоро (въ мартѣ мѣсяцѣ) будетъ годъ, какъ мы забрались въ эту деревню. Въ прошломъ году, вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Россіи, къ намъ въ миссію сталъ ходить одинъ кореецъ, на видъ очень приличный, серьезный и какъ будто изъ ученыхъ. Восточные ученые, да, впрочемъ, и европейскіе тоже, имѣютъ особый видъ,—видъ сосредоточеннаго, постоянно самоуглубленнаго и нѣсколько нервнаго человѣка; показался мнѣ и этотъ таковымъ. Для меня было это очень важно, ибо мысль о переводахъ ни на минуту не выходитъ изъ головы: вотъ, думаю, Господь посылаетъ мнѣ и человѣка, который можетъ мнѣ въ этомъ помочь... Но надежды мои, и именно съ этой стороны, не увѣнчались желательнымъ успѣхомъ; стремленія у него были болѣе скромны, чѣмъ я ожидалъ: ему хотѣлось познакомиться съ православною вѣрою и затѣмъ креститься. Слава Богу и за это! Для ознакомленія его съ православною вѣрою лучшаго ничего не могли предложить ему, какъ „Православное Исповѣданіе“ святаго Димитрія Ростовскаго, которое имѣется у насъ на корейскомъ языкѣ; затѣмъ, конечно, Евангеліе, молитвы, символъ вѣры и постоянное хожденіе въ церковь.

Прошло мѣсяца два его исправнаго хожденія въ миссію; онъ вдругъ заявилъ мнѣ, что ему нужно отлучиться въ деревню навѣстить семью, обѣщая снова скоро возвратиться къ намъ. Дѣйствительно, недѣли черезъ двѣ онъ снова явился, съ заявленіемъ, что его односельчане въ количествѣ нѣсколькихъ человѣкъ желаютъ тоже принять православную вѣру и

просятъ кого либо изъ насъ пріѣхать къ нимъ побесѣдовать съ ними и послужить у нихъ, для каковой цѣли они приготовили дзже отдѣльный домъ. Въ то время я не могъ съ нимъ ѣхать, ибо наступалъ какъ разъ Великій постъ; но я обѣщалъ ему на второй или третьей седмицѣ поста обязательно пріѣхать. Такъ я и сдѣлалъ. На третьей недѣлѣ поста взялъ я съ собою корейца-переводчика и отправился верхомъ на лошади въ деревню Мунь-сань-пхо. Пріѣхалъ я туда вечеромъ; деревня очень большая—дворовъ около 500—и длинной лентой растянулась она у подножія невысокой горы на берегу большой рѣки Им-чинь-канъ. Въ центрѣ деревни, на искуственно сдѣланной площадкѣ—на полугоркѣ стоитъ одинокая фанза—это и есть та фанза, о которой говорилъ кореецъ, какъ о домѣ, приготовленномъ для службы. Къ площадкѣ продѣланы съ улицы ступени въ видѣ лѣстницы, вокругъ самой площадки живая изгородь изъ кустарника и очень красиво устроенный аркою изъ него же входъ къ фанзѣ. Съ перваго же взгляда на эту фанзу я заподозрилъ, что это издѣліе рукъ американскихъ миссіонеровъ: не разъ мнѣ приходилось видѣть ихъ молитвенные дома, устраиваемые именно такимъ образомъ; когда же я вошелъ въ фанзу, то совершенно убѣдился въ томъ, что этотъ домъ есть ни что иное, какъ церковь американскихъ миссіонеровъ. Одна комната въ домѣ —большая предназначалась для собесѣдованій, къ ней въ рядъ примыкаетъ другая—поменьше для женщинъ и, наконецъ, еще два небольшихъ кана—помѣщеніе для миссіонера на случай его пріѣзда. Часть большой комнаты кореецъ отдѣлилъ легкой деревянной перегородкой въ видѣ иконостаса съ царскими вратами, сдѣлалъ престолъ, аналои, дереванные подсвѣчники, разукрасивъ все это яркими—въ корейскомъ вкусѣ —разными красками и сдѣлалъ все точь въ точь такъ, какъ онъ видѣлъ въ нашей Сеульской церкви, недоставало только иконъ... Домъ обыкновеннаго корейскаго типа, крытъ соломою, а стѣны сдѣланы изъ тоненькихъ дощечекъ, просвѣчи-

вающихся насквозь и оклеенныхъ изнутри бумагою, между которой попадаются листы американской миссіонерской газеты „Христосъ“ и календарей ихъ же изданія. Хозяинъ встрѣтилъ меня радушно и, видимо, искренно обрадовался моему пріѣзду и хотѣлъ тотчасъ же созывать другихъ корейпевъ; но, такъ какъ время было уже позднее, то я просилъ не безпокоить ихъ до утра. Высказалъ я ему свои подозрѣнія относительно дома, но онъ сначала, какъ и всѣ обыкновенно дѣлаютъ корейцы, началъ клясться и божиться, что онъ ничего общаго съ американскими миссіонерами не имѣлъ и не имѣетъ. Ложь всосалась въ корейскую плоть и кровь и сразу ни одинъ кореецъ ни за что не сознается. Долго мы бесѣдовали съ нимъ на эту тему, пока, наконецъ, вынудили его сознаться: домъ этотъ строилъ онъ лѣтъ пять тому назадъ по плану американскаго пресвитеріанскаго миссіонера доктора Рида. Миссіонеры нѣкоторое время ѣздили сюда для проповѣди. а затѣмъ около года прекратили свои поѣздки по неизвѣстной для него причинѣ. Причину, конечно, онъ тоже отлично зналъ, но, будучи весьма послѣдовательнымъ корейцемъ, утаивалъ. Впрочемъ, я особенно и не добивался этого,—для меня вполнѣ достаточно было знать и то, что сообщили мнѣ: дальнѣйшія свѣдѣнія собрать мнѣ не представлялось уже никакого затрудненія отъ самихъ же миссіонеровъ. На утро собралось ко мнѣ человѣкъ десять довольно почтенныхъ старцевъ, съ которыми я, послѣ предварительнаго знакомства, и началъ свои миссіонерскія бесѣды. Не знаю,—или бесѣды мои были не интересны для нихъ, или ихъ старческое вниманіе уже очень притупилось: все время они дремали и глаза ихъ отягощались сномъ. Меня это,—признаюсь,—нѣсколько смущало, и я старался употребить всѣ усилія, чтобы какъ-либо на первое время пробудить ихъ хотя бы только отъ физическаго сна. Иное дѣло,—когда заведешь съ ними рѣчь о житейскихъ дѣлахъ и особенно о политикѣ,—сразу всѣ пробуждались и наставало удивительное оживленіе. Три дня я по два раза въ

день собиралъ ихъ на бесѣды, а во время утреннихъ и вечернихъ молитвъ читали Евангеліе, и въ концѣ-концовъ кой-чему все же успѣлъ научить ихъ. Между прочимъ, и отъ старцевъ этихъ я старался выпытать хоть что-либо относительно этого дома, но ни они, ни старшина деревни, къ которому заходилъ я познакомиться, новаго ничего не прибавили. Общество очень усердно стало просить меня устроить здѣсь церковь, для каковой цѣли предлагали купить эту же фанзу, обѣщая половину стоимости ея принять на себя. Отвѣта я имъ не далъ, опасаясь попасть въ какую-либо грязную исторію съ американскими миссіонерами, и рѣшилъ отправиться въ городъ Санъ-до, къ тому самому американцу миссіонеру, который ѣздилъ сюда проповѣдывать, надѣясь отъ него получить самыя подробныя и вѣрныя свѣдѣнія по интересующему меня дѣлу.

Городъ Санъ до или Ка-сіонъ (старая столица Кореи) находится въ 40 верстахъ отъ деревни къ сѣверу; думалъ было я нанять лошадь, или быка, или корову (на быкахъ и коровахъ здѣсь ѣздятъ верхомъ такъ же, какъ и на лошадяхъ), но, къ сожалѣнію, ни того, ни другого, ни третьяго отыскать не могъ, ибо какъ разъ въ сосѣднемъ городѣ былъ базарный день и всѣ отправились туда; тогда я рѣшилъ, не теряя времени, нанять двухъ носильщиковъ для своего багажа (корейцы всѣ тяжести переносятъ на спинахъ, приспособляя для этого особо устроенныя деревянныя рагульки; два—три пуда несетъ совершенно свободно) и отправиться пѣшкомъ, Погода была великолѣпная, и я сдѣлалъ этотъ переходъ безъ особаго утомленія. Въ городъ пришли еще засвѣтло; народу на улицахъ было такъ много, былъ базарный день,—что мы съ трудомъ пробирались въ толпѣ, а какъ только останавливались, тотчасъ же насъ со всѣхъ сторонъ окружала толпа зѣвакъ. Долго мы ходили по городу въ поискахъ свободнаго помѣщенія на постоялыхъ дворахъ, но нигдѣ не могли найти. Положеніе наше было довольно непріят-

ное, и чтобы выйти изъ него, я рѣшилъ обратиться за содѣйствіемъ къ начальнику города, тѣмъ болѣе, что въ паспортѣ моемъ, выданномъ отъ корейскаго правительства, есть пунктъ, въ которомъ говорится, что всѣ власти обязаны оказывать мнѣ „всякое вспоможеніе и воспособленіе“. Отыскалъ его резиденцію и послалъ ему свою визитную карточку; онъ тотчасъ же принялъ меня и сначала велъ очень любезный разговоръ со мною, но, когда узналъ, что я пришелъ сюда пѣшимъ и что въ моей свитѣ кромѣ переводчика (по корейскимъ понятіямъ чѣмъ больше баринъ, тѣмъ больше должно быть вокругъ разной челяди) никого нѣтъ, сразу перемѣнилъ тонъ и выказалъ желаніе поскорѣе освободиться отъ нежеланнаго визита,—приказалъ слугѣ насъ пристроить гдѣ-либо на постояломъ дворѣ Мы поспѣшили откланяться ему и пошли вслѣдъ за слугою. Слуга тоже, какъ и его баринъ, рѣшилъ,—„что не великій-де ты чиновникъ, что ходишь пѣшій“, постарался поскорѣе свалить съ своихъ рукъ нежелательную ношу, помѣстилъ насъ въ какой-то ужасныи притонъ, изъ котораго я тотчасъ же бѣжалъ, твердо рѣшивъ никогда не обращаться за содѣйствіемъ къ корейскимъ мандаринамъ. Нашелъ я за воротами города сносный постоялый дворъ и одну свободную комнату, въ которой и помѣстились мы съ переводчикомъ.

На утро отправились въ городъ отыскивать американскую миссію. Санъ-до довольно большой городъ; имѣетъ двѣ каменныя стѣны—одна внѣшняя, которая окружаетъ самый городъ, и затѣмъ есть стѣна внутренняя, которая когда-то окружала королевскій дворецъ со всѣми постройками. Дворецъ и всѣ болѣе или менѣе важныя дворцовыя постройки были перенесены отсюда въ Сеулъ, здѣсь же остались однѣ развалины каменныхъ фундаментовъ и большихъ лѣстницъ. Въ настоящее время и внутренняя часть доступна для поселенія частныхъ лицъ, но большая часть города все же расположена въ чертѣ внѣшнихъ стѣнъ. Такъ какъ было еще

очень рано, чтобы идти въ миссію, то я отправился осматривать достопримѣчательности города. Первое, что меня интересовало и о чемъ очень много говорятъ и пишутъ корейцы, это—небольшой, каменный мостикъ черезъ протекающій у восточныхъ стѣнъ города ручеекъ, на которомъ болѣе 500 лѣтъ тому назадъ былъ убитъ измѣнниками одинъ изъ принцевъ династіи Ко-ріо и на одномъ изъ камней и до сихъ поръ видны слѣды крови. По мостику этому теперь не ходятъ и не ѣздятъ и онъ сохраняется теперь, какъ святыня. Объяснялъ намъ довольно симпатичный старичекъ-кореецъ и такъ горячо и увѣренно доказывалъ намъ, что красная полоса на камнѣ есть дѣйствительно кровь, что мой спутникъ—переводчикъ повѣрилъ этому; но затѣмъ, когда мы проходили черезъ восточныя ворота и я указалъ ему нѣсколько камней съ точно такими же красными жилами, вѣра у него исчезла. Съ возвышеннаго холма у Восточныхъ воротъ мы увидѣли въ самомъ центрѣ внутренняго города кирпичный домъ полукорейскаго типа; я рѣшилъ, что это обязательно должна быть американская миссія. По направленію къ этому дому мы и отправились. На пути мы успѣли осмотрѣть одинъ довольно величественный храмъ бога войны. При входѣ во дворъ храма подъ крышей воротъ стоитъ огромныхъ размѣровъ статуя лошади, которую держитъ подъ уздцы съ ногъ до головы вооруженный воинъ. Когда мы вошли во дворъ, то насъ въ храмъ не пропустили, ибо тамъ въ это время совершалъ жертвоприношеніе какой-то важный чиновникъ. Мы, конечно, охотно обождали окончанія жертвоприношенія и, когда вся церемонія окончилась и этотъ чиновникъ, сопровождаемый толпою слугъ, направился къ воротамъ для принесенія жертвы коню, насъ пригласили войти въ храмъ. Сапоги пришлось снять, зато шляпу не позволили снять: у корейцевъ—человѣкъ, снявшій шляпу, выражаетъ этимъ непочтеніе и къ мѣсту, и къ лицамъ, окружающимъ его. Для меня, конечно, было гораздо легче снять шляпу, чѣмъ сапоги, но нужно было

подчиниться требованіямъ ихъ этикета. Осмотрѣвши храмъ, въ которомъ кромѣ статуи бога ничего не было, мы отправились въ американскую миссію. Миссіонеръ былъ дома и весьма любезно принялъ меня. Послѣ предварительныхъ разговоровъ, я завелъ рѣчь по интересующему меня вопросу. Американецъ этотъ, дѣйствительно, ѣздилъ въ эту деревню проповѣдывать нѣсколько лѣтъ, но потомъ отказался туда ѣздить потому, что плодовъ отъ своей проповѣди онъ не видѣлъ; въ этомъ смыслѣ онъ донесъ своему начальству въ Сеулъ и на этомъ окончилось все дѣло съ жителями Мунь-сань пхо. О корейцѣ, который насъ приглашалъ, онъ далъ самый нелестный отзывъ. Побесѣдовалъ я съ нимъ еще кой о чемъ и распростился очень любезно. Въ Санъ-до у нихъ миссія существуетъ около 10 лѣтъ и по отзыву миссіонера почва здѣсь для сѣянія Слова Божія очень хорошая. Важно, по его мнѣнію, то, что Санъ-до, будучи расположенъ на границѣ очень богатой и густо населенной провинціи Хоанъ-ха-до и на дорогѣ изъ столицы въ провинцію Пхіёнъ-ань-до, является крупнымъ торговымъ и промышленнымъ центромъ, привлекая сюда изъ разныхъ провинцій множество народа, и особенно въ базарные дни. Этими днями они съ успѣхомъ пользуются для продажи религіозно-нравственныхъ изданій своей миссіи. Католическая миссія съ незапамятныхъ временъ свила себѣ здѣсь довольно прочное гнѣздо, расположившись въ центрѣ торговой части города въ чертѣ внѣшнихъ стѣнъ.

Народъ здѣсь, видимо, зажиточный и не поражаетъ своею бѣднотою, какъ въ другихъ городахъ. Санъ-до является главнымъ мѣстомъ разведенія очень дорогого лекарственнаго корня жень-шеня, обширныя плантаціи котораго раскинулись вокругъ города и даютъ прекрасный заработокъ какъ хозяину, такъ и рабочимъ. Три дня я прожилъ въ Санъ-до, знакомясь и разузнавая про житье-бытье здѣшнихъ миссіонеровъ и ихъ дѣятельность, и пришелъ къ тому убѣжденію, что и намъ непремѣнно нужно имѣть здѣсь миссіонера. Въ минувшее лѣ-

то являлся къ намъ въ миссію одинъ очень богатый плантаторъ-кореецъ и просилъ прислать къ нимъ въ Санъ-до миссіонера, обѣщая устроить на свой счетъ фанзу для церкви. Вся бѣда въ томъ, что миссіонера-то нѣтъ.

Возвратился я домой и повѣдалъ о всемъ бывшемъ братіи своей и, въ виду скораго своего отъѣзда въ дальнее странствованіе, я поручилъ своему іеромонаху на свободѣ проѣхать въ деревню, пожить, побесѣдовать и послужить тамъ, а затѣмъ и купить этотъ домъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Прожилъ дней десять и купилъ фанзу пополамъ съ обществомъ, уплативъ свою часть 85 долл., а такъ какъ остальныя обществомъ жертвовались на церковь, то документъ—купчую онъ взялъ себѣ. Итакъ, на развалинахъ американской церкви мы рѣшили создать церковь свою—православную! Выйдетъ-ли изъ этого что либо?! Одинъ Богъ вѣдаетъ, наше же дѣло проповѣдывать и молиться... По пріѣздѣ изъ путешествія я тотчасъ же отправилъ туда іеромонаха Павла—студента 4-го курса восточнаго института, который пріѣхалъ къ намъ для практики въ разговорномъ корейскомъ языкѣ. Лучшаго мѣста для этой цѣли не найти: полное уединеніе и жизнь среди однихъ корейцевъ дали ему возможность и попрактиковаться въ языкѣ, и присмотрѣться къ народу, его обычаямъ, нравамъ, что для миссіонера весьма важно. Прожилъ онъ тамъ два мѣсяца безвыѣздно, утѣшая меня по временамъ своими письмами... Въ одномъ письмѣ своемъ онъ, между прочимъ, пишетъ мнѣ: „отъ всей души благодарю васъ за то, что, предоставивъ мнѣ помѣщеніе въ деревнѣ Мунь-сань-пхо, вы тѣмъ самымъ дали мнѣ возможность и усидчиво заниматься своимъ дѣломъ, и хоть отчасти вступить на тотъ путь, къ которому я себя готовлю. Ежедневно у насъ бываютъ службы (часы и обѣдница). къ которой являются постоянно человѣкъ 10 корейцевъ... Въ службу вводимъ постепенно корейскій языкъ. Послѣ службы кореецъ—Ханъ-сандарь читаетъ по-корейски огласительное поученіе“...

Послѣ отъѣзда іеромонаха Павла въ институтъ, на нѣкоторое время пріѣзжалъ іеромонахъ Николай, а теперь живу я. Жить здѣсь зимою совершенно не возможно, ибо фанза, видимо, строилась для самыхъ кратковременныхъ пріѣздовъ миссіонеровъ: толщина бумаги отдѣляетъ меня отъ внѣшняго воздуха, а когда подуетъ вѣтеръ, то и свѣча гаснетъ. Морозовъ большихъ хотя здѣсь и не бываетъ, а все же по ночамъ термометръ падаетъ до—5°, а иногда при вѣтрѣ и до—10° R. Отопленіе устроено по корейскимъ системамъ—подъ поломъ, такъ что на полу бываетъ иногда большой плюсъ, а вверху доходитъ до минуса. Надежда хоть чего-либо добиться заставляетъ насъ жить и при такой обстановкѣ Ужь больно хорошіе люди и жалко ихъ оставлять. Есть у насъ здѣсь всякаго сорта прихожане, кромѣ чиновниковъ, и земледѣльцы (большинство), и мастеровые, и купцы, и просто рабочіе—всего наберется человѣкъ тридцать. Одинъ, напримѣръ, есть купецъ, какъ и полагается купцу,—очень толстый господинъ, благодушнѣйшее существо; я имъ часто любуюсь... На дняхъ приходилъ ко мнѣ съ жалобою на свою коммерческую неудачу, отъ которой потерпѣлъ убытку долларовъ 100: купилъ здѣсь нѣсколько мѣшковъ бобовъ и повезъ на лодкѣ въ портъ Чемуль-по, намѣревался продать ихъ тамъ съ барышемъ, но потерпѣлъ неудачу... Но это обстоятельство не измѣнило его благодушія. Есть одинъ старецъ лѣтъ 65—добрѣйшей души человѣкъ, и много, много такихъ... Конечно, есть и у нихъ пороки, и не малые, и не мало; но что же бы мы и дѣлали, если бы къ намъ все шли безпорочные; наше дѣло въ томъ и состоитъ, чтобы очищать ихъ отъ пороковъ и воспитывать въ добрѣ... Раза два пробовали являться ко мнѣ такъ называемыя „угнетенныя невинности“ съ просьбою защитить ихъ отъ напрасныхъ якобы нападокъ и притѣсненій чиновниковъ; но въ этомъ я неумолимъ... Пойдемъ, говорю ему, братъ, помолимся Господу Богу, чтобы Онъ Самъ защитилъ тебя отъ

всѣхъ напастей, а къ начальнику твоему я не пойду: это не мое дѣло.

Заводится здѣсь небольшая школа, въ которую ходитъ мальчиковъ пять—шесть. Жаль только, что они, изучивъ китайскіе знаки, переходятъ къ чтенію книгъ конфуціанскаго характера и содержанія и такимъ образомъ съ самаго дѣтства воспитываются въ языческихъ религіозныхъ понятіяхъ. У американцевъ мальчики одновременно учатъ и христіанскія книги, а у католиковъ они о языческихъ книгахъ и понятія не имѣютъ, ибо мальчики, воспитываемые въ католическихъ миссіонерскихъ пансіонахъ, составляютъ ихъ собственность, а потому они чему хотятъ, тому и учатъ ихъ. Пекинская наша духовная миссія приступила къ изданію своихъ переводовъ, надѣляетъ книгами щедро и насъ, а потому я и думаю вводить ихъ въ качествѣ учебниковъ въ школѣ своей. Въ началѣ, навѣрное, получатся недоразумѣнія, и больше, вѣроятнѣе всего, отъ неудачнаго выбора книги, но потомъ Господь поможетъ направить и это дѣло. Если бы Господь послалъ намъ такого добраго человѣка, который бы пожертвовалъ намъ тысячу или полторы рублей на построеніе церкви-школы въ Мунь-сань-пхо; за такого добраго человѣка мы бы вѣкъ молились Богу. Если бы Господь послалъ намъ такую манну, можно было бы и дешево, и очень удобно построить полу-корейскаго и полу-европейскаго типа домъ, въ которомъ могли бы помѣстить и церковь, и школу, и квартиру для миссіонера. Европейскую постройку заводить здѣсь, конечно, нѣтъ нужды, да и дорого будетъ стоить; а корейскаго типа будетъ дешевле и удобнѣе, и простоитъ она столько же. Американцы—народъ практичный—у нихъ даже въ Сеулѣ почти всѣ постройки приспособлены изъ корейскихъ фанзъ. Я съ ними вполнѣ согласенъ въ этомъ: чѣмъ ни легче, ни свободнѣе, тѣмъ лучше. Я думаю, что для болѣе успѣшнаго миссіонерствованія нужно быть совершенно свободнымъ отъ всѣхъ внѣшнихъ заботъ, даже—о томъ, во что одѣться

и что покушать. Теперешняя моя жизнь здѣсь какъ нельзя болѣе подходитъ къ этому: сейчасъ у меня все мое на мнѣ и вокругъ меня въ буквальномъ смыслѣ, ибо комната, занимаемая мною, размѣромъ всего 8×8 футовъ. Стоитъ столъ, стулъ, кровать и больше ничего. Вниманіе мое ничѣмъ не отвлекается, мысль моя работаетъ въ одномъ направленіи, весь я могу отдаться народу, который постоянно окружаетъ меня. Если люди заняты, у меня есть работа въ комнатѣ; надоѣло,—можно пойти погулять, чудныя окрестности! Достаточно подняться на любую гору, чтобы съ ея вершины насладиться восхитительными картинами дивнаго творенія Божія. А сколько при этомъ мыслей самыхъ чистыхъ, самыхъ возвышенныхъ промелькнетъ въ головѣ; сколько самыхъ горячихъ, восторженныхъ, доходящихъ до небесъ чувствованій наполнитъ сердце... Отдыхъ и обновленіе силъ, а тамъ опять та же работа. Въ Сеулѣ, гдѣ на душѣ моей виситъ забота о каменныхъ хоромахъ, да о цѣломъ дворѣ съ хозяйствомъ,—признаюсь,—не могу я и минуты быть спокойнымъ: всякій шумъ, стукъ, крикъ меня безпокоятъ.

Во время службъ „Господи помилуй“, „Подай“ и „Тебѣ Господи“, „Символъ вѣры“, „Отче нашъ“ поютъ покорейски всѣ. Корейцы весьма любятъ пѣніе и необходимо удовлетворять ихъ любовь общимъ пѣніемъ. Бѣда съ женщинами! Не идутъ въ церковь, да и только! И не потому, что онѣ не желаютъ, а потому, что корейскій этикетъ не допускаетъ и не позволяетъ имъ ни стоять въ одной комнатѣ съ мужчинами, ни тѣмъ болѣе разговаривать съ послѣдними. У католиковъ и американцевъ есть монахини и миссіонерки, которыя и ведутъ дѣло проповѣди среди женщинъ; у насъ же ничего этого нѣтъ; а между прочимъ въ дѣлѣ религіознаго просвѣщенія въ корейской семьѣ мать—все; на ея рукахъ вся семья и воспитаніе ея. Бываетъ такъ: отецъ идетъ въ христіанскую церковь, а мать съ дѣтьми шаманитъ. Въ Мунь-сань-пхо зло это такъ распростране-

но, что не проходитъ ни дня, ни ночи, чтобы гдѣ-либо не раздавались шаманскіе бубны и барабаны. Занимаются этимъ исключительно женщины, мужчины же выдаютъ на это деньги своимъ женамъ. Хорошо, конечно, было бы, если бы Господь послалъ намъ изъ корейскихъ же женщинъ искренно и сердечно принявшую христіанство, таковая одна могла бы сдѣлать для миссіи гораздо болѣе, чѣмъ сотни монахинь и миссіонеровъ.

Сообщеніе архимандрита Хрисанѳа изъ Шанхая:

сраженіе при Чемульпо, отъѣздъ русскаго посланника изъ Сеула.

5-го февраля я выѣхалъ изъ Сеула въ Шанхай, а сегодня, пользуясь гостепріимствомъ Китайской духовной миссіи, столь любезно и удобно пріютившей насъ, имѣю возможность сообщить вамъ нѣсколько подробнѣе о всемъ бывшемъ съ нами въ послѣдніе дни нашего пребыванія въ Сеулѣ:

Самый страшный день былъ 27-го января,—день перваго морского сраженія въ Чемульпо. На рейдѣ нашего столичнаго порта Чемульпо давно уже стояли наши два военныя судна—крейсеръ „Варягъ“ и канонерская лодка „Кореецъ“. Не получая около недѣли никакихъ извѣстій изъ Портъ-Артура, нашъ посланникъ рѣшилъ отправить „Корейца“ съ почтою въ Артуръ 26-го января. Вечеромъ „Кореецъ“ снялся съ якоря и только вышелъ въ море, какъ къ нему съ обоихъ бортовъ подошли японскія миноноски; командиръ, увидѣвъ, что съ такими спутниками опасно пускаться въ дальнѣйшій путь, поворотилъ назадъ; въ это время японцы выпустили три мины въ „Корейца“, но къ счастью ни одна не попала въ него. Войдя въ портъ, командиръ сообщилъ объ этомъ на „Варягъ“ и остальнымъ военнымъ судамъ другихъ націй.

Ночь всѣ провели въ тревожномъ ожиданіи дальнѣйшихъ дѣйствій японцевъ, тѣмъ болѣе, что миноносцы и одинъ японскій крейсеръ вошли тоже въ портъ.

Утромъ 27-го января командиръ „Варяга“ получилъ отъ японскаго адмирала письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ его объ „установившихся непріязненныхъ отношеніяхъ между японскимъ правительствомъ и русскимъ правительствомъ“, а потому „почтительнѣйше проситъ“ ихъ выйдти въ море и принять сраженіе; если же они въ 12 часовъ дня не выйдутъ, то онъ принужденъ будетъ атаковать ихъ въ 4 часа дня и взять въ плѣнъ. Подъ звуки музыки и самыхъ горячихъ пожеланій съ иностранныхъ военныхъ судовъ наши „Варягъ“ и „Кореецъ“ въ $11^1/_2$ часовъ снялись съ якоря и отправились на вѣрную смерть. Командиры ободряли свои команды рѣчами, указавъ имъ на то, что на ихъ долю выпало первымъ засвидѣтельствовать свою любовь къ Отечеству и отдать свою жизнь за вѣру, Царя и Отечество. Одному изъ офицеровъ дано было „почетное порученіе“ на случай полнаго пораженія взорвать крейсеръ со всѣмъ экипажемъ...

Какъ только показались наши суда въ виду японской эскадры, состоявшей изъ 6 большихъ судовъ и нѣсколькихъ миноносцевъ, японскій адмиралъ сигналомъ предложилъ нашимъ сдаться безъ боя, но на это въ отвѣтъ получилъ орудійный залпъ отъ „Варяга“, послѣ чего начался бой, который продолжался ровно часъ. Нашъ крейсеръ „Варягъ“, получилъ нѣсколько пробоинъ, орудія почти всѣ были повреждены, и въ добавокъ на кормѣ загорѣлась палуба; видя неминуемую гибель, командиръ повернулъ назадъ въ портъ; японцы понесли тоже большія потери и такъ растерялись, что не преслѣдовали нашихъ. „Кореецъ“ какимъ-то чудомъ остался совершенно невредимъ. Какъ только наши суда возвратились въ портъ, командиры иностранныхъ (англійскій, французскій и итальянскій) военныхъ судовъ, кромѣ американскаго, предложили нашимъ съѣхать на ихъ суда. „Варягъ“ былъ объ-

ятъ пламенемъ и медленно тонулъ, а „Корейца“ приготовили къ взрыву. Около 4 часовъ на горизонтѣ показались японскіе миноносцы, которые шли забирать трофеи своей постыдной побѣды, но и здѣсь имъ не удалось: „Варягъ“ затонулъ, а „Корейца“ взорвали... Ужасно возмутило это японцевъ, и они начали требовать отъ иностранныхъ командировъ выдачи русскихъ, какъ ихъ военно-плѣнныхъ, но и здѣсь получили единогласный категорическій отказъ на томъ основаніи, что они приняли къ себѣ на бортъ потерпѣвшихъ въ порту кораблекрушеніе, и они не виновны, что японскій адмиралъ такъ растерялся, что не могъ забрать ихъ въ плѣнъ послѣ боя, а далъ имъ возможность войти въ портъ. Пушечные выстрѣлы ясно доносились до Сеула, и вся русская колонія во главѣ съ посланникомъ собралась въ миссійскомъ храмѣ на молебствіе, и всѣ горячо и со слезами молились Господу Богу о дарованіи побѣды надъ врагами, столь жестоко и вѣроломно напавшими на беззащитныхъ. Предъ молебствіемъ собравшимся было сказано приблизительно слѣдующее: „Итакъ, братіе, жребій войны брошенъ. Вы слышите громовые раскаты пушечныхъ выстрѣловъ:—тамъ бьютъ нашихъ братьевъ... Нашъ возлюбленный Монархъ употребилъ всѣ усилія и средства къ сохраненію мира, но, видимо, враги наши этого не пожелали и такъ варварски и злодѣйски напали на наши суда... Помолимся же Господу Богу, чтобы Онъ Самъ, ими же вѣсть судьбами, сохранилъ нашихъ доблестныхъ воиновъ, не устрашившихся значительно сильнѣйшаго врага, даровалъ побѣду и покорилъ этихъ ослѣпленныхъ гордецовъ подъ ноги нашего державнаго Монарха“.

Всѣ матросы, охранявшіе нашу миссію, молились со слезами, и ихъ молитвенные вздохи шли ко Господу изъ глубины ихъ сердецъ, ибо имъ особенно дороги были ихъ товарищи-сослуживцы.

Господь услышалъ ихъ молитву, и не случилось того, что должно было бы случиться по всѣмъ человѣческимъ со-

ображеніямъ. Съ нашей стороны потери сравнительно незначичельны: убито 40 матросовъ и одинъ офицеръ; ранено 70 матросовъ и три офицера; у японцевъ же потери значительно больше, ибо у нихъ погибли одинъ крейсеръ, одна миноноска, и сильно поврежденъ броненосецъ.

Сеулъ въ это время былъ уже занятъ японскими войсками, и на всѣхъ горахъ и холмахъ, окружающихъ городъ, шли спѣшныя работы по укрѣпленію ихъ и ставились батареи. Въ японскомъ кварталѣ праздновали побѣду, а мы съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали дальнѣйшихъ событій. Утромъ на второй день нашъ посланникъ предложилъ всей русской колоніи на время покинуть Сеулъ и переѣхать на французскій крейсеръ „Pascal“, который и привезъ насъ въ Шанхай. На этомъ крейсерѣ нашла себѣ пріютъ вся команда съ лодки „Кореецъ“, офицеры и нѣсколько матросовъ съ крейсера „Варягъ“, здѣсь же были 24 человѣка раненыхъ матросовъ и одинъ офицеръ. Какъ только пріѣхали на крейсеръ, я тотчасъ же занялся ранеными: всѣхъ исповѣдывалъ и пріобщилъ Святыхъ Таинъ, а къ вечеру всѣхъ ихъ свезли на берегъ въ госпиталь. Изъ всѣхъ раненыхъ человѣкъ восемь были совершенно изуродованы—то безъ ноги, то безъ руки... Стонъ и слезы этихъ бѣдныхъ страдальцевъ приводили всѣхъ въ ужасное состояніе: безъ слезъ не возможно было смотрѣть на нихъ... Только здѣсь можно понять, какое ужасное зло война: сколько жизней погибаетъ, сколько уродуетъ людей... Здѣсь стонъ и слезы, а тамъ... дома, гдѣ остались ихъ отцы, матери, жены и дѣти... Господи, Господи! да когда же прекратится все это... Наши воины дѣйствительно Христолюбивы: мнѣ разсказывали офицеры, что въ продолженіе всего боя только и слышно было имя Господа, которое непрестанно призывалось матросами. Мнѣ лично пришлось умиляться дѣйствительно сердечной и глубокою вѣрою нашихъ простецовъ—солдатиковъ; всѣмъ существомъ своимъ они вѣрятъ, что съ ними Богъ, а потому идутъ на бой со-

вершенно спокойно въ надеждѣ на Его всесильную помощь. Сознаніе своего долга ни на минуту не оставляетъ ни одного изъ нихъ. Матросы, охранявшіе миссію, со слезами жаловались мнѣ на то, что имъ не придется положить душу свою за отечество свое, ибо ихъ увезли въ Сайгонъ, гдѣ ихъ продержатъ до окончанія войны.

Что теперь дѣлается на театрѣ войны,—ничего неизвѣстно, а если и есть какія извѣстія, то всѣ они идутъ изъ японскаго источника и пропитаны чудовищною ложью: по нимъ и Портъ-Артуръ взятъ, и флотъ нашъ совершенно истребленъ и прочее и прочее. Здѣшній военный агентъ не успѣваетъ печатать опроверженія; бѣда вся въ томъ, что ихъ корреспонденты напередъ составляютъ свои сообщенія, такъ—относительно сраженія при Чемульпо они заранѣе сообщили въ свои газеты, что наши суда разбиты и отведены въ одинъ японскій портъ.

Еще за недѣлю до сраженія мы были совершенно отрѣзаны отъ міра: корейскій телеграфъ японцы уничтожили, а ихъ телеграфъ работалъ только въ ихъ интересахъ; они исправно принимали отъ нашего посланника шифрованныя телеграммы, но не передавали ихъ. Проводы изъ Сеула нашего посланника японцы обставили необычайною торжественностью: дали отдѣльный поѣздъ, который сопровождался японскимъ генераломъ; на вокзалѣ въ Сеулѣ и на пристани въ Чемульпо былъ выстроенъ почетный караулъ изъ роты японскихъ солдатъ; въ Чемульпо одинъ солдатъ не сдержалъ своей злобы и крикнулъ—„арестанты“... Вся эта почетная комедія носила страшно ироническій характеръ и производила на всѣхъ насъ угнетающее впечатлѣніе. Всѣ европейцы, не исключая и ихъ союзниковъ—англичанъ, выражали самое горячее сочувствіе русскимъ и возмущались поведеніемъ японцевъ. Командиръ и офицеры англійскаго крейсера „Talbot“ приняли часть нашихъ матросовъ и окружили ихъ самымъ сердечнымъ вниманіемъ и уходомъ; итальянцы—тоже; отказались одни

только американцы, которые видимо склоняются на сторону японцевъ. Всѣхъ офицеровъ и матросовъ каждое военное судно свезетъ въ свои порта, откуда они проѣдутъ въ Россію.

Посланникъ и всѣ частные пассажиры остались въ Шанхаѣ; сюда съ разныхъ сторонъ съѣхалось столько русскихъ, что при здѣшней дороговизнѣ начинается голодовка, и наши консулы думаютъ отправлять ихъ въ Россію, ибо надѣяться скоро попасть въ Портъ-Артуръ или Владивостокъ нѣтъ никакихъ основаній. Всѣ, кому необходимо попасть въ Портъ-Артуръ, отправляются на пароходахъ въ Одессу,—оттуда по желѣзной дорогѣ.

Я съ своей братіей устроился въ Китайской миссіи, гдѣ нашлось достаточно помѣщенія и для насъ. Изъ Сеула насъ выѣхало семь человѣкъ: я, отецъ іеродіаконъ, два учителя и три мальчика изъ школы, которыхъ я готовилъ для отправки въ Россію; одинъ изъ нихъ еще не крещенъ, и я намѣревался перекрестить его здѣсь въ недѣлю православія. Два послушника пѣвчіе выѣхали изъ Сеула еще на Рождественскихъ праздникахъ при первой тревогѣ, такъ какъ они состоятъ въ запасѣ арміи, то задерживать ихъ было неудобно. Вся церковная утварь и всѣ цѣнности запакованы въ ящики и сданы на храненіе французскому посланнику; вся же обстановка домашняя осталась въ домѣ; домъ замкнутъ, и ключи сданы посланнику; штатъ прислуги оставленъ для надзора за подворьемъ. Долго ли продлится наше изгнаніе,—трудно предугадать; все же, несмотря на то, что мы устроились относительно хорошо, тоска душитъ и всѣ мысли—въ Сеулѣ... Господь послалъ намъ испытаніе и надобно терпѣть.

Изъ писемъ корейскаго миссіонера.

I.

Шанхай, 23 февраля 1904 года.

Японцы выбили насъ изъ нашей миссіонерской колеи именно тогда, когда у насъ по преимуществу все такъ хорошо настраивалось и такъ хорошо шло: 25 января предъ литургіей мы крестили одну женщину-кореянку, которая ровно четыре года исправно посѣщала церковь и въ искренности ея желанія и глубины ея вѣры я нисколько не сомнѣваюсь. Послѣ крещенія она со слезами разсказывала намъ о той духовной радости и восторгѣ, которыя она почувствовала послѣ крещенія, и о томъ тяжеломъ душевномъ состояніи, которое испытывала она до и во время крещенія: ее трясло, какъ въ лихорадкѣ. Господь устроилъ такъ, что первый кратковременный періодъ существованія нашей миссіи окончился такимъ знаменательнымъ событіемъ, которое по справедливости можно считать только началомъ миссіонерской дѣятельности ея. И я глубоко вѣрю, что это именно такъ. Грустно, очень грустно было покидать свое насиженное мѣсто и особенно подъ давленіемъ такой печальной необходимости, но я ни на минуту не сомнѣваюсь въ томъ, что Господь послалъ намъ столь тяжелое испытаніе для нашей же пользы: для того, чтобы возбудить въ насъ любовь къ этому несчастному народу, котораго давятъ со всѣхъ сторонъ, вселить въ насъ надежду на болѣе свѣтлое будущее и усилить въ насъ энергію и ревность къ св. служенію. Когда живешь спокойно или прочно владѣешь какимъ-либо предметомъ, то чувство къ нему настолько притупляется, что обращается или въ полное равнодушіе, или въ безразличіе; но попробуйте нарушить покой или лишиться этого предмета, явятся совсѣмъ другія чувства, предметъ пріобрѣтетъ совсѣмъ иную цѣнность, и то, что казалось намъ ненужнымъ, а иногда и тягостнымъ,

составляетъ какъ бы часть нашего существа и безболѣзненно не можетъ быть отнято отъ насъ. То же испытываемъ теперь и мы, тѣ же болѣзненныя чувства переживаемъ и мы, сидя на рѣкахъ Янъ-Сикіанга—въ чуждой намъ странѣ. И та жалкая, несчастная Корея, изъ-за которой рѣкою льется человѣческая кровь, для насъ стала такъ мила, такъ родна, что при одномъ мимолетномъ воспоминаніи сердце болѣзненно сжимается и слезы, наполняютъ глаза. Только и разговора у насъ: а что теперь дѣлаетъ въ Сеулѣ, что станется съ нашей церковью, миссіей, что будетъ съ Никитой, что будетъ съ нашимъ привратникомъ Кису, который остался охранять миссію,—и много, много у каждаго изъ насъ такихъ „что“, ибо у всѣхъ есть привязанности, у всѣхъ остались друзья и всѣ мы въ горести молимъ Господа, чтобы Онъ Самъ сохранилъ всѣ и всѣхъ цѣло и невредимо. Почему бы не оградить какими-либо строгими законами неприкосновенность духовныхъ миссій? Вѣдь миссіонеры—это не чиновники, которые могутъ совершенно спокойно покинуть свое мѣсто и уѣхать за тридевять земель, не вспоминая никогда о прошломъ; миссіонеръ выше всякихъ формальныхъ отношеній; въ миссіи человѣкъ сходится съ человѣкомъ не на внѣшнихъ какихъ-либо связяхъ, а на внутреннемъ, духовномъ, сердечномъ; здѣсь люди устанавливаютъ или, по крайней мѣрѣ, стараются установить отношенія на взаимной связи душъ и сердецъ.

Преосв. Николай остался въ Японіи; я никогда и ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что онъ приметъ именно такое рѣшеніе, и не вѣрилъ, когда говорили и писали въ восточныхъ газетахъ, что онъ на время войны оставляетъ Японію. Я не вѣрилъ этому потому, что для него отъѣздъ былъ бы горше смерти. Мы, выѣзжая изъ Кореи, не оставляли никого, и то переживаемъ тяжелыя, грустныя и тоскливыя минуты,—что же бы чувствовалъ преосв. Николай, если бы онъ оставилъ 30 тысячъ имъ самимъ рожденыхъ духовныхъ дѣтей?!...

Господь не оставить и насъ. Онъ послалъ намъ испытаніе. Онъ же и вознаградитъ насъ сторицею. Мы и теперь —въ изгнаніи—облагодѣтельствованы: живемъ въ такомъ же разсадникѣ православія, въ такой же дух. миссіи, какъ и наша, только среди китайцевъ... Насъ весьма удобно и прекрасно устроилъ у себя завѣдующій шанхайскимъ отдѣломъ православ. миссіи въ Китаѣ, весьма радушный и гостепріимный хозяинъ ея о. іером. Симонъ. Здѣсь мы съ перваго же момента почувствовали себя въ родной обстановкѣ и въ миссіонерской атмосферѣ.

Русско-китайская миссія въ Шанхаѣ, столицѣ Востока, возникла въ недавнее время: сюда рѣшилъ преосв. Иннокентій, начальникъ пекинской миссіи, перенести главный миссіонерскій центръ пекинской миссіи послѣ боксерскаго разгрома въ Пекинѣ въ 1900 г., когда погибла вся наша пекинская миссія съ обширной и богатой библіотекой. Тогда же преосв. Иннокентій рѣшилъ найти для миссіи мѣсто, которое могло бы быть совершенно гарантировано отъ такихъ случайностей, и онъ совершенно справедливо остановился на Шанхаѣ, какъ на городѣ интернаціональномъ и имѣющемъ за собою, по крайней мѣрѣ, 90 шансовъ за то, что миссія, библіотека и другія цѣнности ея не могутъ быть такъ жестоко истреблены, какъ въ Пекинѣ.

Имѣя въ виду эту мысль, преосвященный въ то же время не забылъ и главную, чисто миссіонерскую цѣль, а потому онъ постарался пріискать мѣсто для миссіи не въ самомъ городѣ, а на окраинѣ, поближе къ китайскимъ деревнямъ, которыя густою каймою окружаютъ Шанхай. Отъ центра города по прекрасной шоссейной дорогѣ ѣзды въ экипажѣ не болѣе получаса. Можно проѣхать и по желѣзной дорогѣ, ибо мимо миссіи проходитъ желѣзная дорога и первая отъ города станція находится близъ миссіи. Очень выгодно купилъ преосвященный у одного американца хорошій двухъэтажный кирпичный домъ съ кухнею и небольшимъ дворомъ. Съ про-

шлаго года приступлено къ постройкѣ кирпичнаго храма. Очень красивая, небольшая, человѣкъ на 150—200, церковь и теперь въ не отдѣланномъ видѣ привлекаетъ вниманіе не только китайцевъ, которые едва не по цѣлымъ днямъ любуются ею, но и европейцевъ. Архитектура и рисунокъ выбранъ дѣйствительно удачно, такъ какъ построекъ такого именно стиля на Востокѣ совершенно нѣтъ. Въ настоящую пору церковь вчернѣ почти готова; покрыта она бѣлымъ оцинкованнымъ желѣзомъ, которое при яркихъ лучахъ солнца издаетъ ослѣпительный блескъ, и церковь видна издалека; внутри приступлено къ оштукатуренью; иконостасъ дѣлается китайцами, которые большіе мастера дѣлать всякую рѣзьбу по дереву; иконы пишутся въ Пекинѣ помощникомъ при начальникѣ миссіи арх. Авраміемъ, художникомъ-академистомъ. По предположенію преосв. Иннокентія, которое онъ высказалъ мнѣ еще въ прошломъ году, церковь должна быть освящена въ день Св. Троицы во имя св. богоявленія. Преосвященный предполагалъ на торжество освященія пригласить преосв. Николая изъ Японіи, просилъ и меня къ этому времени пріѣхать, намѣреваясь по освященіи храма устроить нѣсколько засѣданій чисто миссіонерскаго характера для рѣшенія нѣкоторыхъ недоумѣній и вопросовъ, касающихся миссіонерскаго служенія, и здѣсь же условиться относительно повторенія такихъ съѣздовъ и въ будущемъ. Мысль прекрасная и вполнѣ выполнимая! Мало того, что эти съѣзды объединили бы всѣхъ насъ въ нашей дѣятельности подъ главенствомъ апостола Японіи, но, безъ сомнѣнія, оживляли бы и ободряли всѣхъ тружениковъ на нивѣ Божіей. Такіе съѣзды существуютъ во всѣхъ инославныхъ миссіяхъ, и польза ихъ всѣми признана. Они вносятъ въ тяжелую, одинокую среди инородцевъ жизнь миссіонера большое оживленіе и обновленіе силъ. Представьте себѣ миссіонера-европейца, живущаго среди инородцевъ, въ тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ, гдѣ-либо въ дебряхъ Китая; естественно, что онъ мало-по-малу слабѣетъ

духомъ; неудачи въ миссіонерскихъ предпріятіяхъ, препятствія, встрѣчаемыя на каждомъ шагу, порождаютъ въ немъ унынiе, тяжелыя и мрачныя думы и тоскливое состоянiе духа, иногда граничащее съ полнымъ отчаяніемъ. Подѣлиться съ кѣмъ либо своими сердечными скорбями и открыть свои душевныя боли является органическою потребностію каждаго миссіонера. И вотъ тутъ-то съѣзды и незамѣнимы: слово искренней любви и полнаго сочувствія, благодушіе и нравственное мужество предъ самыми трудными жизненными обстоятельствами и огромный миссіонерскій опытъ такого гиганта духа, какъ преосв. Николай, сразу ободритъ страдальца, сразу уничтожитъ угнетенность духа, разсѣетъ мрачныя тучи на душѣ его; онъ снова оживетъ, снова свѣтлый лучъ надежды озаритъ его будущее, онъ обновится, отдохнетъ душою и тѣломъ, почувствуетъ новый приливъ энергіи и съ запасомъ этой жизнерадостной бодрости снова возвратится къ трудамъ и подвигамъ благовѣстія евангелія. Дай Богъ, чтобы мысль преосв. Иннокентія осуществилась, ручательствомъ за что. впрочемъ, можетъ служить энергія и всецѣлая преданность преосвященнаго дѣлу миссіи. Сохрани Господи на многія и многія лѣта на пользу намъ—меньшимъ и авву преосв. Николая!

Кромѣ церкви, въ прошлое лѣто преосв. Иннокентій выстроилъ здѣсь большой трехъэтажный кирпичный домъ, въ нижнемъ этажѣ котораго помѣщается школа для дѣтей-китайчатъ; въ школѣ двѣ очень просторныхъ комнаты, соединенныя между собою широкою раздвижною дверью. Въ верхнихъ этажахъ помѣщаются учителя школы и нѣкоторые ученики, дома которыхъ находятся далеко отъ миссіи. Рядомъ съ этимъ домомъ находится старый полу-китайскій, полу-европейскій двухъэтажный домъ, который былъ занятъ подъ складъ разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей; въ настоящее время о. Симонъ устраиваетъ въ немъ школу для китайцевъ, въ которой будутъ учиться ученики только китай-

скому языку по православно-христіанскимъ книгамъ,—это, по моему мнѣнію, будетъ ничто иное, какъ катехизаторская школа, гдѣ будутъ учиться китайцы всякаго возраста исключительно православной вѣрѣ. Въ школѣ обучается у нихъ около 30 мальчиковъ. Всѣ они учатся русскому языку до обѣда, а послѣ обѣда китайскому. О. Симонъ преподаетъ Законъ Божій по учебникамъ китайскимъ. Въ настоящее время со старшими учениками онъ проходитъ катихизисъ преосв. Филарета, а съ младшими свящ. исторію Новаго Завѣта по Евангелію.

Почти 200-лѣтнее существованіе пекинской миссіи не прошло безслѣдно; трудами знаменитыхъ синологовъ, Іакинфа, Палладія и др., съ успѣхомъ пользуются теперь миссіонеры и весьма разумно прилагаютъ ихъ къ дѣлу: переводы богослужебн. и религіозн. учительн. книгъ введены теперь въ ихъ школахъ, по нимъ учатся языческіе мальчики православной вѣрѣ. Это громадная помощь для миссіонера; помогъ бы Богъ и намъ поскорѣе обогатиться такимъ сокровищемъ для Кореи. Я какъ-то писалъ, что я замыслилъ ввести въ своей школѣ обученіе мальчиковъ по переводамъ пекинской миссіи; дѣло начало настраиваться, я нашелъ хорошаго знатока изъ корейцевъ—учителя, и мы приступили къ дѣлу, избравъ для этой цѣли краткую свящ. исторію на китайскомъ языкѣ, но къ великому сожалѣнію война прервала наши начинанія въ самомъ корнѣ.

Мальчики шанхайской школы производятъ очень пріятное впечатлѣніе, и приходится удивляться, что даже такіе ученики не заинтересовываютъ нашихъ миссіонеровъ и не удерживаютъ ихъ отъ бѣгства изъ миссій; многіе изъ нихъ крещены, а нѣкоторые только готовятся ко крещенію. Утромъ въ 7 часовъ бываетъ общая молитва,—читаютъ и поютъ всѣ на китайскомъ языкѣ; по окончаніи утренней молитвы однимъ изъ старшихъ учениковъ прочитывается одна глава изъ Евангелія, а послѣ вечерней—одна глава изъ Псалтири на китай-

скомъ языкѣ. Для церкви отведена очень хорошая комната въ домѣ, въ которой и совершается по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ неопустительно служба. Во время службы чтеніе и пѣніе почти все на китайскомъ языкѣ; поютъ не особенно стройно, но если принять во вниманіе то обстоятельство, что учениковъ никогда не училъ пѣнію спеціалистъ-регентъ, а они переняли на слухъ отъ послушниковъ, исправляющихъ обязанности псаломщиковъ, то можно только удивляться замѣчательной способности ихъ къ пѣнію; три-четыре китайца-мальчика, болѣе или менѣе усвоившіе мотивы, руководятъ пѣніемъ; они начинаютъ, а потомъ къ нимъ постепенно присоединяются и остальные. Навѣрное преосв. Иннокентій отправитъ въ Россію изъ этой школы двухъ-трехъ мальчиковъ для продолженія образованія и непремѣнно для основательнаго обученія церковному пѣнію. Слухъ у нихъ есть, голоса чистые и пріятные, легкія, видимо, тоже не въ плохомъ состояніи, а съ такими дарованіями легко выучить ихъ пѣнію и регентскому искусству. Послѣ каждой литургіи о. Симонъ чорезъ переводчика обращается къ китайцамъ со словомъ назиданія, объясняя имъ евангеліе или апост. чтеніе, или же событіе праздника. Вмѣстѣ съ мальчиками иногда приходятъ въ церковь и ихъ родители, братья и сестры и такимъ образомъ знакомятся съ православною вѣрою. О. Симонъ очень любитъ дѣтишекъ, и его смиреніе и любовь— вѣрные ручатели за успѣхъ дѣла.

Присоединился и я съ своею братіею къ нимъ; во время службы и мои корейчата читаютъ по-корейски, и вотъ служба у насъ идетъ на трехъ языкахъ: славянскомъ, китайскомъ и корейскомъ. Въ недѣлю православія я крестилъ здѣсь одного своего ученика, котораго не успѣлъ окрестить въ Сеулѣ. Интересное совпаденіе: мальчуганъ этотъ, будучи корейцемъ, крещенъ въ китайской миссіи, св. миро и елей при крещеніи и миропомазаніи были совершенно непредвидѣнно

употреблены изъ миссіи японской,—ихъ сдалъ сюда на храненіе изъ нагасакской церкви одинъ священникъ.

Въ Шанхаѣ есть человѣкъ около 10 русскихъ, отъ которыхъ мнѣ неоднократно приходилось слышать сѣтованія на то, что преосв. Иннокентій совершенно пренебрегъ религіозными потребностями русской колоніи: слишкомъ далеко строитъ церковь и имъ невозможно бывать въ церкви. Я, конечно, не противъ того, чтобы удовлетворать религіозныя потребности русскихъ православныхъ,—это необходимо; но былъ всегда противъ того, чтобы соединять это съ миссіонерствомъ. Личный опытъ достаточно меня убѣдилъ въ томъ, что эти два дѣла совершенно несовмѣстимы: ожидать исправнаго и ревностнаго отношенія къ своимъ религіознымъ обязанностямъ со стороны русскихъ, живущихъ за границей, совершенно невозможно; если же они будутъ неисправны, и будутъ только по-модному исполнять христіанскій долгъ молитвы, то они въ миссію кромѣ вреда и разлада ничего не внесутъ; они совершенно спокойно будутъ разрушать то, что съ большимъ трудомъ созидаетъ миссіонеръ. Миссіонеръ, напр., говоритъ своимъ слушателямъ-инородцамъ, что всякій христіанинъ обязанъ свято исполнять долгъ молитвы, неопустительно посѣщать церковь Божію въ праздничные и воскресные дни, являясь къ началу вечернихъ и утреннихъ богослуженій. Инородцы слушаютъ миссіонера и исправно ходятъ; но тутъ же они видятъ, что для русскихъ это какъ будто необязательно: къ вечерней службѣ они не ходятъ совсѣмъ,—это, говорятъ, нужно для духовныхъ, а не для мірянъ,—къ литургіи раньше херувимской пѣсни никто не является. И вселяется въ душу инородца сомнѣніе и недовѣріе къ словамъ миссіонера; начинаетъ продѣлывать то же и онъ, и тутъ ужъ никакими резонами не убѣдишь его не обращать вниманія на русскихъ, а быть самому исполнительнымъ... Я беру одинъ примѣръ, но можно привести больше и несравненно хуже. Инородцы, стоя въ церкви, внимательно слѣдятъ за всѣми русскими и

перенимаютъ отъ нихъ рѣшительно все до мельчайшихъ подробностей. Лучше, по моему мнѣнію, удовлетворять религіознымъ потребностямъ русскихъ совершенно отдѣльно отъ инородцевъ, и это весьма возможно: у дипломатическихъ консуловъ обыкновенно бываютъ отличныя помѣщенія, и въ нихъ всегда найдется комната, въ которой можно съ удобствомъ устраивать службы для всѣхъ русскихъ интеллигентовъ,—о простомъ же народѣ я не говорю, ибо онъ и здѣсь столь же преданъ храму Божію, какъ и въ Россіи, и съ его стороны помѣхи для миссіи не можетъ быть никакой. Я вполнѣ соглашаюсь со взглядомъ на это дѣло преосв. Иннокентія и очень радъ, что онъ устроилъ миссію въ Шанхаѣ именно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ всякій миссіонеръ можетъ спокойно и плодотворно вести свое святое дѣло.

II.

Ляоянъ, 27 марта 1904 г.

10 марта я выѣхалъ изъ Шанхая въ Манчжурію и сейчасъ нахожусь на станціи Ляоянъ, гдѣ остановился послужить съ благословенія преосв. Иннокентія на время страстной и пасхальной седмицъ. По пути въ Манчжурію заѣзжалъ въ Пекинъ, гдѣ ознакомился съ нашею духовною миссіею. Пріѣхалъ я въ Пекинъ по желѣзной дорогѣ изъ Тонку, куда прибылъ изъ Шанхая на англійскомъ коммерческомъ пароходѣ. Живя въ Шанхаѣ, намъ пришлось получать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на театрѣ войны изъ самаго грязнаго источника—англійскихъ и японскихъ газетъ; по нимъ весь нашъ флотъ дважды уже былъ уничтоженъ, Портъ-Артуръ взятъ и пр. и пр. Со дня на день ожидали высадку японскаго войска въ Китаѣ и захватъ имъ китайской желѣзной дороги, послѣ чего проѣздъ изъ Шанхая въ Манчжурію долженъ былъ совершенно прекратиться. Имѣя въ виду это

обстоятельство, я и рѣшилъ заблаговременно пробраться въ Манчжурію, гдѣ, безъ сомнѣнія, я буду полезнѣе, чѣмъ въ Шанхаѣ. Дипломатическая миссія тоже выѣзжаетъ въ Манчжурію, а всѣхъ русскихъ, которыхъ собралось изъ разныхъ концовъ болѣе 500 человѣкъ, отправили въ Россію на франц. коммерческомъ пароходѣ черезъ Одессу, такъ что въ настоящее время Шанхай совершенно очистился отъ русскихъ. Изъ Китая все время получались самыя неутѣшительныя свѣдѣнія: японцы, путешествуя въ разныхъ мѣстахъ, сѣютъ крамолу и возбуждаютъ китайцевъ противъ русскихъ, распространяя между ними въ зажигательныхъ выраженіяхъ описанія своихъ побѣдъ надъ русскими, иллюстрируя ихъ возмутительными картинами. Китайцы имъ вѣрятъ и производятъ манифестаціи въ пользу японцевъ, украшая фанзы японскими флагами, устраивая шумныя процессіи и пр.

Въ глубинѣ южнаго Китая, по среднему теченію Янсикіанга, въ нѣсколькихъ деревняхъ мирно и довольно успѣшно проповѣдовалъ православную вѣру діаконъ-китаецъ Сергій, посланный туда проеевященнымъ Иннокентіемъ послѣ того, какъ онъ самъ былъ тамъ и положилъ начало оглашенія св. вѣрою многихъ китайцевъ изъ разныхъ деревень; продолжалъ его дѣло нѣкоторое время іеромонахъ Симонъ, а затѣмъ вѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ посланъ былъ діаконъ Сергій, дабы окончательно приготовить всѣхъ желающихъ, которыхъ оказалось около 400 человѣкъ, къ принятію св. крещенія. Жена діакона—китаянка усердно помогала мужу, оглашая женщинъ и занимаясь въ школѣ съ дѣвочками. Дѣло шло у нихъ очень хорошо, получались самыя утѣшительныя свѣдѣнія и приближалось то время, когда воды китайскаго Янсикіанга должны были получить свыше благословѣніе Іордана и принять въ себя крещаемыхъ; но исконный врагъ человѣческаго рода, сильно дѣйствующій на Востокѣ, воспротивился и воздвигъ гоненіе противъ вѣрующихъ. Отчасти слухъ и агитація японцевъ, а отчасти постоянный антагонизмъ между самими христіанами разныхъ исповѣданій,

поддерживаемый миссіонерами-фанатиками, возбудили противъ мирнаго труженика на нивѣ Божіей китайцевъ-христіанъ какой-то англиканской миссіи, которые сначала разнаго рода угрозами требовали, чтобы діаконъ удалился отъ ихъ предѣловъ, а затѣмъ, когда слова ихъ не подѣйствовали, они, вооружившись палками и кольями, напали на фанзу, въ которой оглашаемые собирались на молитву, и разогнали всѣхъ: нѣкоторыхъ изранили, иконы изорвали, а діаконъ съ женою, спасаясь, едва успѣлъ переправиться на лодкѣ черезъ рѣку и скрыться. Такъ грустно окончилась обѣщавшая многій плодъ проповѣдь Слова Божія! О. діаконъ, впрочемъ. не унываетъ и говоритъ, что это вѣрный признакъ того, что православная вѣра обильно распространится въ той мѣстности... Сейчасъ онъ временно выѣхалъ въ Шанхай, а затѣмъ, когда все утихнетъ, снова отправится туда, но уже съ миссіонеромъ русскимъ. Какъ ни печаленъ этотъ фактъ, но онъ меня окончательно убѣдилъ въ томъ, что въ Китаѣ и у насъ въ Кореѣ еще рано отправлять на проповѣдь однихъ туземцевъ, но необходимо, чтобы при нихъ обязательно находился миссіонеръ-европеецъ. Послѣдній однимъ своимъ присутствіемъ парализуетъ подчасъ горделивыя и нетактичныя выходки инородца-проповѣдника, а съ другой стороны другіе иновѣрцы и язычники не рискнутъ на какой-либо поступокъ въ присутствіи европейца. Знакомый нѣсколько съ характеромъ китайцевъ, я склоненъ въ подобныхъ исторіяхъ часть вины, хотя и незначительную, возлагать на самого проповѣдника... Придавать же какое-либо особенное значеніе этому факту и выводить изъ него принципіальное положеніе о ненависти китайцевъ къ русскимъ, какъ это сдѣлали шанхайскіе газеты, я совершено отказываюсь и глубоко убѣжденъ въ томъ, что, еслибы не было войны и японцы такъ нагло не возбуждали китайцевъ противъ русскихъ, то ничего подобнаго не могло бы быть; даже при всемъ этомъ, если бы былъ тамъ съ о. діакономъ русскій миссіонеръ, этого не случилось бы. Въ 1901 году,

когда у меня умеръ псаломщикъ, а іеродіаконъ уѣхалъ въ отпускъ, случилась аналогичная исторія въ городѣ Сіо-хынгѣ, верстахъ въ 150 отъ Сеула; тамъ было оглашено нами нѣсколько человѣкъ корейцевъ, которые каждый воскресный день собирались въ одну фанзу для чтенія Евангелія и молитвы; однажды въ эту фанзу съ шумомъ ворвалась толпа корейцевъ-католиковъ и заявила собравшимся, что русскихъ миссіонеровъ въ Сеулѣ больше нѣтъ: одинъ умеръ, а остальные уѣхали, а потому идите къ намъ молиться; когда же они отказались, то буяны избили корейцевъ, изорвали икону, которая у нихъ была, и разогнали ихъ. Послѣ этого разгорома три корейца, выборные отъ общества, являлись ко мнѣ съ жалобою на дѣйствія корейцевъ-католиковъ. Фанатизмъ католиковъ, замѣтный въ отношеніи къ миссіонерамъ другихъ вѣроиспѣданій, почему-то особенно проявляется въ отношеніи къ намъ — православнымъ, съ чѣмъ постоянно приходится считаться. Отчеты католическихъ миссіонеровъ испещрены сообщенія объ ихъ побѣдѣ надъ миссіонерами другихъ исповѣданій. Врагъ рода человѣческаго не стѣсняется никакими средствами, чтобы сѣять раздоръ и крамолу; только тогда можетъ быть все тихо и спокойно, когда миссіонеры ничего не дѣлаютъ, а какъ только они выступили на проповѣдь Слова Божія, тотчасъ же должна возникнуть и борьба И я совершенно согласенъ съ замѣчаніемъ о. діакона, что если возникла борьба, то это вѣрный признакъ, что православіе тамъ распространится.

Изъ Шанхая мнѣ рекомендовали отправиться въ Тянь-Цзинь на англійскомъ пароходѣ,—такъ я и сдѣлалъ. Утромъ 10 марта я распростился съ добрымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ миссіи о. іером. Симономъ и съ его учениками—китайчатами, которыхъ благословилъ и пожелалъ имъ быть хорошими христіанами и каждому привести ко Христу столько же своихъ единоплеменниковъ, сколько ихъ въ школѣ. Ученики вышли за ворота миссіи и здѣсь еще разъ простились:

хорошіе мальчики, дай Господи, чтобы они и сердцемъ восприняли то ученіе, которое такъ ревностно насаждаетъ добрый о. Симонъ и которое такъ основательно они воспринимаютъ своимъ умомъ!

Пароходъ, на которомъ я долженъ былъ ѣхать, отходилъ въ 2 часа пополудни. Не особенно большой, но довольно чистенькій; единственно, что было плохо на немъ, такъ это отвратительный англійскій столъ, состоящій изъ массы скрупулезныхъ блюдъ самаго ужаснаго приготовленія. Классныя мѣста были всѣ заняты иностранцами разныхъ націй: одни ѣхали въ Вей-ха-вей, нѣкоторые въ Чифу, а нѣкоторые въ Тянь-Цзинь. На пароходахъ, плавающихъ между китайскими и корейскими портами, европейцамъ выдаютъ билеты только 1-го класса, ниже ни подъ какимъ видомъ билеты не выдаются; цѣны берутъ очень дорогія: отъ Шанхая до Тянь-Цзиня трое сутокъ пути, и билетъ стоитъ 61 р. Когда мы вышли изъ Вей-ха-вея въ Чифу, то насъ все время конвоировалъ китайскій военный крейсеръ и вошелъ съ нами въ портъ, а когда мы шли Печилійскимъ заливомъ, гдѣ въ настоящее время хозяйничаютъ японцы, то насъ часовъ въ 12 ночи освѣщали боевыми фонарями и подходило къ пароходу военное японское судно: слѣдятъ все за русскими и не пропускаютъ ни одного судна безъ осмотра. Въ Тонку мы пришли въ 2 часа пополудни и остановились на внѣшнемъ рейдѣ, довольно далеко отъ берега, ибо былъ какъ разъ отливъ и нашъ пароходъ не могъ подойти ближе; пришлось ночевать еще разъ на пароходѣ и уже на другой день, въ $8^1/_2$ часовъ, насъ на катерѣ отправили на берегъ. Катеръ довезъ насъ до города и остановился у пристани противъ вокзала желѣзной дороги. Когда подъѣхали къ берегу и вошли въ рѣку, то увидѣли направо и налѣво разрушенные китайскіе форты, гдѣ ровно четыре года тому назадъ лилась кровь русская, какъ теперь льется она въ Портъ-Артурѣ и Кореѣ. Тогда русскіе очень дружили съ японцами: и въ Тонку они вмѣстѣ воевали, и на Пекинъ шли вмѣстѣ. Въ это

время мнѣ пришлось жить у преосв. Николая въ Токіо, и я живо припоминаю, какой взрывъ энтузіазма царилъ въ японскомъ народѣ и какія манифестаціи и празднества устраивались въ честь русско-японской дружбы въ столицѣ Японіи— Токіо. Дружественно и любовно протянутая рука могучей державы воскресила въ нихъ искреннее, непритворное чувство взаимности и, казалось, все было забыто, и Японія счастливо почивала надеждою на постоянное дружество Россіи. Японскій микадо посылалъ цѣлую депутацію съ подарками въ Нагасаки въ русскій лазаретъ къ раненымъ офицерамъ и матросамъ, поздравляя ихъ съ побѣдою и выражая имъ самыя искреннія пожеланія скорѣйшаго выздоровленія. Я очень хорошо помню радость нашего маститаго апостола Японіи, преосв. Николая, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе укрѣплялся въ надеждѣ на возможность искренней и сердечней дружбы между Японіей и Россіей. И лучшіе люди Японіи сохранили это настроеніе до самаго начала войны, и вся отвѣтственность за это зло падетъ на воинственную партію разгордѣвшихся руссофобовъ, поддерживаемыхъ англичанами и американцами, которые поставили въ необходимость и правительство стать на этотъ скользкій и опасный для Японіи путь. Жаль, что такъ все кончилось, жаль и русскихъ, жаль и японцевъ: вѣдь и они люди... Сколько, сколько погибнетъ народа и за что? Изъ-за одной гордости и пустого самомнѣнія японцевъ.

Изъ Тонку въ Тянь Цзинь и Пекинъ нужно было ѣхать по желѣзной дорогѣ. На вокзалѣ мы встрѣтили солдатъ японскихъ, французскихъ, австрійскихъ и др., которые охраняютъ линію желѣзной дороги до Пекина и затѣмъ до Шанхайгуаня. Кромѣ солдатъ другихъ націй къ приходу поѣзда выстраивалось нѣсколько человѣкъ китайскихъ солдатъ. Пока ѣдешь до Пекина, можно совершенно свободно изучить военную форму всѣхъ націй. Нашихъ русскихъ солдатъ по станціямъ нѣтъ, а есть охрана въ 250 человѣкъ въ Пекинѣ.

Мѣстность до Пекина низменная и ужасно унылая: при полномъ отсутствіи растительности вся равнина сплошь подвержена дѣйствію сыпучихъ песковъ, которые при вѣтрѣ образуютъ густые облака пыли, закрывая свѣтъ солнца. Китайцы-хлѣбопашцы борются съ этимъ бичемъ, разсаживая параллельными рядами деревья и разнаго рода кустарники. Отъ Тонку до Пекина поѣздъ идетъ 6 съ небольшимъ часовъ. Пекинъ представляетъ собою огромныхъ размѣровъ совершенно національный городъ, окруженный довольно внушительной стѣною съ большими воротами и башнями по угламъ, китайской архитектуры. Стѣна представляетъ собою довольно основательную крѣпость и во время боксерскаго возстанія много пришлось потрудиться и потерпѣть европейскимъ войскамъ, пока взятъ былъ городъ. Весь городъ раздѣляется на двѣ части: манчжурскій и китайскій, тотъ и другой имѣютъ стѣны, только стѣны послѣдняго не поддерживаются, а потому по мѣстамъ совершенно разрушены; стѣны манчжурскаго города въ довольно хорошемъ видѣ потому, что въ центрѣ этого города находится дворецъ богдыхана, окруженный высокою каменною, выкрашенною въ красный цвѣтъ, стѣною. Послѣ усмиренія боксеровъ линія желѣзной дороги доведена до южныхъ воротъ города, а раньше поѣздъ останавливался довольно далеко отъ города. У южныхъ воротъ расположены европейскія посольства и ихъ охраны. Духовная миссія находится въ противоположной части города, въ сѣверномъ углу городской стѣны; отъ вокзала до миссіи нужно проѣхать черезъ весь городъ,—считаютъ верстъ восемь, и мнѣ пришлось ѣхать туда на рикшѣ часа $1^1/_2$. Духовная миссія въ Пекинѣ по сію пору находится въ періодѣ возобновленія послѣ боксерскаго разгрома 1900 года; въ настоящее время выстроенъ довольно обширный братскій корпусъ, церковь, усыпальница для убитыхъ во время возстанія, помѣщеніе для владыки, съ домовою церковью при немъ (домъ китайской архитектуры), прекрасная колокольня при входѣ въ миссію и затѣмъ много

китайскихъ фанзъ для школъ, типографіи, мастерскихъ и для помѣщенія сестеръ женской общины. Весь участокъ, занимаемый миссіей, равняется 16-ти десятинамъ земли. Въ самомъ сѣверномъ углу его отдѣленъ участокъ для женскаго монастыря; гдѣ заложенъ корпусъ для монахинь, а надъ усыпальницей убитыхъ будетъ выстроенъ храмъ для нихъ. Управляетъ миссіей въ отсутствіе владыки архим. Авраамій, довольно бѣгло говорящій на китайскомъ языкѣ и проводящій все время въ неустанныхъ трудахъ по устройству миссіи, изданію и печатанію переводовъ пекинской миссіи. Хозяйство весьма обширное, и недостатокъ людей весьма чувствительно отзывается на всемъ. Кромѣ архимандрита я засталъ въ миссіи одного священника, одного іеромонаха и нѣсколько человѣкъ послушниковъ. Службы совершаются неопустительно съ строгимъ соблюденіемъ устава ежедневно; въ будничные дни вечернія службы начинаются въ 6 час. вечера, а утреннія въ 6 час. утра, послѣ нихъ вся братія расходится каждый на свое дѣло. При миссіи существуютъ двѣ школы—мужская и женская, которыя я съ большимъ интересомъ осмотрѣлъ. Первая школа, въ которую мнѣ пришлось попасть, была женская, помѣщающаяся въ одной изъ фанзъ женской общины; въ эту школу я пошелъ потому, что первый урокъ по окончаніи службы въ ней давалъ свящ. о. Николай Шастинъ; мнѣ тѣмъ интереснѣе было ознакомиться съ его методомъ преподаванія Закона Божія, что о. Николай хорошо владѣетъ китайскимъ языкомъ и любитель школьнаго дѣла. Въ школѣ за длиннымъ столомъ по обѣ стороны его сидѣло 12 дѣвочекъ-китаянокъ разнаго возраста, начиная отъ 7 лѣтъ до 15, посреди съ одного конца стола сидѣлъ самъ батюшка, а въ противоположномъ концѣ—учительница-китаянка лѣтъ 20,—круглая сирота: лишилась своихъ родителей во время боксерскаго возстанія. Всѣ дѣти крещеныя, нѣкоторыя изъ нихъ живутъ при миссіи, а другія приходящія. Дѣвочки ужасно застѣнчивы, и мой приходъ страшно смутилъ ихъ, такъ что урокъ онѣ от-

вѣчали буквально шопотомъ; но интересъ дѣла заставилъ меня пренебречь этимъ и промучить ихъ нѣкоторое время своимъ присутствіемъ.

О. Николай велъ дѣло преподаванія видимо съ большою любовію и знаніемъ; преподаваніе Закона Божія ведется имъ по св. Евангелію: дѣвочки читаютъ по китайски и потомъ переводятъ на русскій языкъ, заучивая въ то же время и слова. Одна изъ сестеръ женской общины преподаетъ церковное пѣніе и управляетъ небольшимъ женскимъ хоромъ, состоящимъ изъ дѣвочекъ школы. Въ первый же вечеръ моего пріѣзда мнѣ удалось попасть въ церковь къ концу всенощной, и здѣсь я услышалъ довольно стройное, истинно ангельское пѣніе дѣвочекъ-ученицъ, которыя чистыми дѣтскими голосами пропѣли сугубую и просительную ектеніи. Дай Господи здоровья и еще большаго успѣха этимъ самоотверженнымъ труженицамъ на нивѣ Божіей, этимъ піонеркамъ миссіонерскаго служенія среди языческаго народа Дальняго Востока! По окончаніи урока Закона Божія я съ о. Николаемъ прошелъ къ настоятельницѣ общины монахинѣ Евпраксіи. Всѣхъ сестеръ въ общинѣ пока вмѣстѣ съ настоятельницей пять; пріѣхали онѣ сюда по приглашенію преосв. Иннокентія изъ красноярскаго женскаго монастыря около года тому назадъ. Поселились онѣ здѣсь пока въ китайскихъ, не блещущихъ своею внѣшностію, фанзахъ, и во время зимы пришлось имъ пережить много неудобствъ и претерпѣть довольно сильный холодъ отъ пронизывающаго сквозь щели фанзы вѣтра, отъ котораго нигдѣ не было спасенія. Теперь солнышко ярко свѣтитъ и грѣетъ, и сестры послѣ пережитаго, видимо, наслаждаются и работаютъ въ своемъ дворѣ, вскапывая землю для посѣва овощей и цвѣтовъ. Сама матушка Евпраксія и двѣ сестры занимались рукодѣліемъ въ отдѣльной комнатѣ фанзы, гдѣ у нихъ устроена моленная для совершенія дневныхъ службъ. Мнѣ показывали работы и свои, и китаянокъ-дѣвочекъ, которыхъ пріучаютъ къ рукодѣлію: здѣсь и шьютъ,

и вяжутъ, и вышиваютъ, есть и золотошвейная; я съ большимъ удовольствіемъ осмотрѣлъ образцы работъ китаянокъ, и особенно св. плащаницу, вышиваемую золотомъ по красному бархату. По отзыву монахинь, дѣвочки-китаянки удивительно способны и воспріимчивы ко всякимъ рукодѣльнымъ работамъ. Дай Господи этимъ труженицамъ, покинувшимъ свою родину ради несчастныхъ, сидящихъ во тьмѣ, язычницъ, еще большаго успѣха, а главное—рѣшимости навсегда и безраздѣльно отдать себя этому великому подвигу. Тяжело, правда, здѣсь живется, и тоска рѣдко кого оставляетъ въ покоѣ, но Господь милостивъ,—поможетъ имъ укрѣпиться и полюбить этихъ милыхъ дѣтишекъ.

Въ мужской школѣ, которая также помѣщается въ китайской фанзѣ, обучается 25 мальчиковъ разнаго возраста. Мнѣ пришлось быть въ школѣ на урокѣ китайскаго языка, который преподаетъ молодой китаецъ; изученіе идетъ по книгамъ изданія пекинской миссіи и при мнѣ мальчики читали краткій катихизисъ. Законъ Божій преподаетъ самъ о. архимандритъ, русскій языкъ одинъ изъ послушниковъ монастыря; мальчики школы обучаются также церковному пѣнію и поютъ въ церкви отдѣльнымъ хоромъ; надъ этимъ съ большою любовію трудится довольно опытный въ регентскомъ искусствѣ послушникъ. Вся миссія во всѣхъ своихъ отправленіяхъ на полномъ ходу, и дай Господи, чтобы не ослабѣвала, а главнае не прерывалась,—хотя зловѣщіе признаки этого уже есть: ходятъ слухи о новомъ грандіозномъ возстаніи подстрекаемыхъ японцами китайцевъ, и европейцы какъ изъ Пекина, такъ и изъ Тянь-Цзиня начали выѣзжать.

Окончивши осмотръ миссіи, я, по предложенію о. архимандрита, поѣхалъ за городъ на православное кладбище, на мѣсто допроса, казни и погребенія православныхъ китайцевъ во время боксерскаго возстанія въ 1900 году и на миссійскіе кирпичные заводы. Дорога на кладбище идетъ черезъ сѣвер-

ныя ворота города, мимо знаменитой монгольской кумирни Юнъ-хо-гунь, въ которой послѣ мятежа нѣкоторое время пребывала наша духовная миссія. На кладбище мы поѣхали въ китайской двуколкѣ, которую, по справедливости, можно назвать „орудіемъ пытки“: по ужасной дорогѣ бросаетъ ее во всѣ стороны, и всякій разъ приходится получать такіе неожиданные толчки и удары, что тотчасъ же появляются синяки. Мой спутникъ привыкъ къ нимъ и находилъ ихъ лучше всякихъ рессорныхъ экипажей, ибо, какъ онъ выражался, всѣмъ существомъ своимъ чувствуешь, что ѣдешь; я же, проѣхавши въ этой ужасной кибиткѣ съ четверть часа, сжалился надъ собою и пошелъ пѣшкомъ. Кладбище собственно отстоитъ недалеко отъ миссіи. и мы бы совершенно свободно могли пройти до него пѣшкомъ, но зато кирпичные заводы миссіи, которые мнѣ хотѣлось осмотрѣть, отстоятъ въ довольно порядочномъ разстояніи, и о. Авраамію, съ утра до ночи занятому дѣлами, было тяжело совершить прогулку верстъ въ 15—20 въ общемъ.

За аньдинъ-мынскими воротами въ недалекомъ разстояніи, влѣво отъ дороги, на невысокомъ холмѣ, стоитъ небольшая кумирня, окрашенная въ красный цвѣтъ, съ небольшимъ дворикомъ, окруженная невысокою стѣною; здѣсь во время боксерскаго возстанія чиновники-китайцы производили допросъ христіанамъ, судили ихъ и послѣ ужасныхъ пытокъ предавали смертной казни; трупы казненныхъ выбрасывали внизъ съ холма, откуда ихъ убирали и недалеко, въ самомъ углу, при раздвоеніи калганской дороги, ихъ зарывали въ землю; и то, и другое мѣсто преосв. Иннокентій пріобрѣлъ въ собственность миссіи. Затрудняюсь описать свои чувства при осмотрѣ этихъ достопримѣчательныхъ въ исторіи пекинской миссіи мѣстъ; душу мою волновали невыразимыя словомъ чувства. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, повторились первые вѣка христіанства; здѣсь допрашивали и разными ужасными

пытками добивались отреченія отъ Христа, и вѣрные обѣтамъ св. крещенія китайцы твердо стояли въ св. вѣрѣ и получали неувядаемые вѣнцы мучениковъ. Въ сердцѣ моемъ попеременно смѣнялись самыя противоположныя чувствованія: то глубокая скорбь объ ужасныхъ звѣрствахъ, произведенныхъ палачами надъ людьми, виновными только въ томъ, что они вѣруютъ во Христа, Вѣчную Истину; то свѣтлая радость наполняла сердце при глубокой непоколебимой вѣрѣ въ то, что мужественные мученики вошли въ радость Господа своего. а кровь, пролитая ими за св. вѣру, послужитъ обильнымъ сѣменемъ для будущихъ христіанъ.

Немного далѣе по дорогѣ въ Калганъ, на горкѣ, находится русское православное кладбище, окруженное высокою кирпичною стѣною. Во время боксерскаго возстанія и оно подверглось разгрому: всѣ мраморные памятники были ниспровергнуты и разбиты, деревья повырваны съ корнемъ, нѣкоторыя могилы разрыты. Кладбище это теперь возобновляется, памятники дѣлаются новые, точно такіе же, съ тѣми же надписями, а въ центрѣ кладбища строится храмъ. Когда читаешь надписи на памятникахъ, то въ воображеніи воскресаетъ цѣлая 200-лѣтняя исторія нашей духовной миссіи въ лучшей своей части: имена такихъ миссіонеровъ, какъ Іакинѳъ, Петръ, Гурій, Исаія и др., многое говорятъ сердцу. Слава Богу, что замыселъ нѣкоторыхъ уничтожить здѣсь духовную миссію не осуществился. Вырвать и уничтожить духовную миссію, имѣющую столь продолжительную исторію, конечно, не такъ-то легко и безболѣзненно.

Съ кладбища мы отправились на кирпичные заводы,— разстояніе довольно порядочное, но въ разговорахъ, воспоминаніяхъ о прошломъ миссіи и разсказахъ о минувшемъ возстаніи время прошло незамѣтно, и мы подошли къ миссійскому кирпичному заводу, который пролегающею дорогою дѣ-

лится на двѣ части, въ каждой изъ нихъ по двѣ огромныхъ печи для обжиганія кирпича. Здѣсь живутъ два русскихъ человѣка, которые наблюдаютъ за рабочими-китайцами. Въ одной изъ фанзъ устроена церковь, въ которой по праздникамъ бываютъ службы. Послѣ осмотра завода и огорода при немъ мы потрапезовали съ братіей. Заводы эти пріобрѣтены преосв. Иннокентіемъ года два тому назадъ для потребностей миссіи; дѣло весьма выгодное, и теперь стоимость его почти окупилась. Обратный путь въ миссію былъ неудаченъ: подулъ сильный вѣтеръ и поднялъ цѣлыя тучи пыли, которая засыпала глаза, и мнѣ волей-неволей пришлось сѣсть въ кибитку, закрытую со всѣхъ сторонъ, и всю дорогу испытывать довольно чувствительные толчки и удары въ бока, въ спину и въ голову. Въ городъ мы въѣхали въ восточныя ворота, отъ которыхъ недалеко было до миссіи.

Итакъ, слава Богу, искренное мое желаніе исполнилось! Я познакомился съ нашею древнѣйшею на Востокѣ миссіей. Съ большимъ интересомъ, пріятностію и пользою провелъ я здѣсь день; въ такой короткій срокъ города я не могъ осмотрѣть, кромѣ того, что̀ я видѣлъ, проѣзжая по одной улицѣ на разстояніи 8 верстъ отъ южныхъ воротъ до сѣверныхъ. Рѣдкостей здѣсь много, но признаюсь, онѣ меня неизмѣримо меньше интересовали, чѣмъ духовная миссія, а потому я и не сожалѣю объ этомъ. Оставаться дольше я не могъ, ибо не сегодня-завтра могъ быть прерванъ путь въ Манчжурію На утро о. архимандритъ нашъ проводилъ меня на вокзалъ; выѣхали мы изъ миссіи въ 5 часовъ утра и пріѣхали на вокзалъ за полчаса до отхода поѣзда.

Сѣлъ я въ вагонъ, распростившись съ о. Авраміемъ и пожелавъ ему полнаго успѣха въ его миссіонерскихъ трудахъ. Въ Пекинѣ онъ живетъ 6 лѣтъ и такъ ему здѣсь нравится. что онъ рѣшилъ никогда уже не разставаться съ миссіей. Бѣ-

да вся въ томъ, что миссіонеровъ нѣтъ; жатва многа, а дѣлателей мало.

Изъ Пекина я отправился по китайской желѣзной дорогѣ до Ньючуанга, гдѣ я долженъ былъ переѣхать на лодкѣ черезъ довольно широкую рѣку Ляо-хэ, чтобы попасть въ Инкоу, гдѣ уже начинается Манчжурія подъ русскимъ владычествомъ. Здѣсь уже русскій градоначальникъ, и сосредоточено множество русскихъ войскъ, такъ какъ со дня на день ожидаютъ высадку здѣсь японскихъ войскъ. Укрѣпленія сдѣланы довольно солидныя, и наши безбоязненно ожидаютъ враговъ. Съ этого мѣста я попалъ въ самой центръ предполагаемыхъ военныхъ дѣйствій и средоточіе главныхъ сухопутныхъ войскъ, во главѣ съ главнокомандующимъ Куропаткинымъ. Отъ Инкоу на югъ къ Артуру и на сѣверъ къ Харбину вездѣ наши войска.

Вотъ гдѣ я насмотрѣлся на наше христолюбивое воинство, какихъ родовъ оружія здѣсь только нѣтъ! Всѣ солдатики выглядятъ очень бодрыми, веселыми и съ неимовѣрнымъ воодушевленіемъ готовы постоять грудью за матушку Русь. Расквартированы войска по китайскимъ городамъ и деревнямъ китайцы относятся къ нимъ очень хорошо и, какъ мнѣ говорилъ градоначальникъ Инкоу, уступаютъ имъ самыя лучшія фанзы и кумирни. Продовольствія вполнѣ достаточно, и тѣ свѣдѣнія, которыя такъ усердно распубликовывали японцы въ шанхайскихъ газетъ о недостаткѣ продовольствія въ нашихъ войскахъ, чистѣйшая ложь. Изъ Инкоу я отправился по желѣзной дорогѣ, имѣя намѣреніе пробраться къ страстной седмицѣ въ Харбинъ къ преосв. Иннокентію, но движеніе частныхъ поѣздовъ столь неправильно и такъ задерживается воинскими поѣздами, что я рисковалъ почти всю страстную недѣлю пробыть въ дорогѣ, а потому рѣшилъ на время праздниковъ остановиться въ Ляоянѣ, гдѣ при желѣзнодорожной

церкви служитъ бывшій членъ корейской миссіи о. іеромонахъ Николай, у котораго я теперь и живу и съ благословенія преосвященнаго служу. Въ Ляоянѣ живетъ главнокомандующій арміей Куропаткинъ и здѣсь сосредоточено все управленіе дѣйствующей арміей. Здѣсь еще больше военныхъ. Всѣ военные говѣютъ, исповѣдуются и пріобщаются св. Таинъ. Духовенства командировано сюда достаточно. Простые солдатики по обыкновенію проявляютъ умилительный духъ религіозности и преданности св. Церкви: весьма трогательно наблюдать ихъ высокія и сердечныя чувства глубокой вѣры и преданности волѣ Божіей.